

Александра—о разрѣшеніи имъ, по болѣзни, сдать устные испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1907 года.

Справка: 1) §§ 132—134 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію... При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся.—Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіи четырехлѣтняго академическаго курса“.—2) По § 81 лит. а п.п. 4—5 устава духовныхъ академій: „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же курсѣ“ значитъ въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.—3) „Правиль относительно распредѣленія казенныхъ и частныхъ стипендій между студентами Академіи“ п. I: „По составленіи, въ концѣ учебнаго года, переводныхъ списковъ студентовъ Академіи, но въ томъ же засѣданіи, Совѣтъ обсуждаетъ каждый разъ особо вопросъ о распредѣленіи на предстоящій учебный годъ стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ“.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ I, II и III курсовъ Академіи, перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) во II курсъ—студентовъ I курса: 1) Троицкаго Владимира, Горскаго Александра, священника Синадскаго Евгенія, Александровскаго Василия, 5) священника Добронравова Георгія, священника Соколова Василия, священника Платонова Веніамина, священника Вьюкова Алексѣя, Успенскаго Николая, 10) Ватутина Михаила, Волкова Андрея, Городецкаго Феодора, Вышеславова Димитрія, Рубинскаго Сергѣя, 15) Доброхотова Алексѣя, Щукина Николая, Бабакова Александра, Дмитревскаго Леонида, Бѣляева Михаила, 20) Преображенскаго Виктора, священника Покровскаго Феодора, священника

Князева Александра, Панова Павла, Фаворитова Павла, 25) Ефимова Федора, Благовѣщенскаго Сергѣя, Фортунатова Василия, Воинова Сергѣя, Баржицкаго Михаила, 30) діакона Попова Николая, Омина Николая, Рождественскаго Евгенія, Харитонова Сергѣя, Ювлева Александра, 35) Лимачева Василия, Воскресенскаго Василия, Вязовскаго Василия, Смирнова Петра, Уарова Петра, 40) Соколова Петра, Никонова Алексѣя, Казанскаго Платона, Иллювіева Павла, Попова Николая и 45) архимандрита Михаила, сербскаго уроженца.

б) въ III курсѣ—студентовъ II курса: 1) Кудрявцева Николая, Калишевича Евстафія, Тихомирова Василия, Пospѣлова Ивана, 5) священника Васильева Іоанна, Соколова Александра, Назарьева Николая, Звѣздинскаго Николая, Сныткина Михаила, 10) Черкасова Владиміра, Макова Василия, Триодина Александра, Чубарова Михаила, Звѣрева Александра, 15) Протопопова Николая, Концевича Николая, іеродиакона Христофора (Либермана), Аюнскаго Федора, Попова Павла, 20) Самарянова Александра, Рождественскаго Григорія, Ключева Алексѣя, Соловьева Владиміра, Соловьева Сергѣя, 25) Теплова Василия, Околовича Николая, Наумова-Сергіева Сергѣя, Скворцова Николая, Занкевича Аркадія, 30) Смирнова Дмитрія, Вѣщезерскаго Ардаліона, Суханова Александра, Пятницкаго Владиміра, Нечаева Николая, 35) Красновскаго Ипполита, Новицкаго Макарія, Литвиненко Александра, Соколова Владиміра, Ярославцева Петра, 40) Лебедева Сергѣя, Давыдова Алексѣя, Снѣгирева Александра, 43) Георгіевича Георгія, боснійскаго уроженца, и 44)—въ спискѣ—Машковскаго Виктора.

в) въ IV курсѣ—студентовъ III курса: 1) Нечаева-Косташъ Петра, Голощапова Сергѣя, Флоренскаго Павла, священника Салагора Павла, 5) Махаева Николая, Дубенскаго Александра, Соколова Виталія, Волосевича Михаила, Бѣляева Бориса, 10) Нарскаго Бориса, Борисова Пантелеимона, священника Ремизова Николая, Бѣлоусова Евгенія, Лисицына Вячеслава, 15) Успенскаго Василия, Авраменко Ивана, Назаркевича Польевкта, Бабакова Николая, Соболева Христофора, 20) Смирнова Николая, Трѣмбовецкаго Владиміра, Обновленскаго Ивана, Хадзарагова Петра, Соколова Владиміра, 30) Добросердова Александра, Троицкаго Петра, Беневоленскаго Ивана, Витальскаго Александра, Гусева Сергѣя, 30) Владимірскаго

Сергѣя, Миртова Ивана, Мякшина Григорія, священника Козлова Іоанна, Миролюбова Георгія, 35) Русинова Виталія, священника Шеметилло Николая, Крылова Павла, Пескова Бориса, Смирнова Леонида, 40) Троицкаго Аркадія, Бурмакина Николая, Дьяконова Дмитрія, священника Совѣтова Алексѣя, Добролюбова Петра, 45) Стеблева Бориса, Прыткова Сергѣя, Любимова Николая, Боголѣпова Николая, Воскресенскаго Андрея, 50) Масюкова Іннокентія, Преображенскаго Ивана и 52) Хакима Александра, {палестинскаго уроженца.

2) Студента I курса священника *Лихачева* Іоанна оставить, по болѣзни, въ томъ же курсѣ на второй годъ.

3) Студентамъ: I курса—Архангельскому Владиміру, Даниленко Прохору, Ковригину Михаилу, Мусатову Николаю, Ржепику Мирону, Рождественскому Леониду, Сахарову Николаю, Ставицкому Виталію, Счастневу Михаилу, Троицкому Алексѣю и Яхонтову Александру; II курса—Введенскому Александру, Виноградову Василию, Добротворцеву Борису, Заслоновскому Стефану, Кронтовскому Николаю, Левитову Алексѣю, Попову Алексѣю, Попову Петру, Севастьянову Павлу, Сѣдову Стефану, Труневу Николаю, Шурупову Сергѣю и Щетинину Александру; III курса—Бѣликову Василию, Ланге Филиппу, Магнитскому Ивану, Смирнову Михаилу и Успенскому Александру—разрѣшить сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1907 года.

4) Въ виду значительнаго числа студентовъ, имѣющихъ держать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, когда они только и могутъ быть внесены въ разрядный списокъ,—назначеніе стипендій на будущій 1907—1908 учебный годъ отложить до сентябрьскаго собранія Совѣта Академіи.

5) Всѣмъ студентамъ означенныхъ трехъ курсовъ объявить, что никто изъ нихъ не будетъ удостоенъ Совѣтомъ Академіи ученой степени или званія, если къ концу академическаго курса не представитъ самовольно неподаннаго въ текущемъ 1906—1907 учебномъ году семестроваго сочиненія по тому самому предмету, по которому онъ обязанъ былъ подать, и на одну изъ тѣхъ темъ, какія своевременно даны были подлежащими г. г. наставниками Академіи.

III. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всплхвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія“.

По разсмотрѣніи вѣдомости оказалось, что изъ 49 студентовъ IV курса—

1) Студентъ *Павловскій* Дмитрій не представилъ семестроваго сочиненія за III курсъ (по нравственному богословію), кандидатскаго сочиненія и проповѣди за IV курсъ и не держалъ устныхъ испытаній по нравственному и пастырскому богословію.—2) Студенты: священникъ *Константиновскій* Александръ, *Пивоварчукъ* Михаилъ и *Харитоновъ* Михаилъ—не представили кандидатскихъ сочиненій.—3) Изъ выдержавшихъ испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и представившихъ кандидатскія сочиненія—20 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года баллъ не менѣе 4¹/₂, 23—не менѣе 4 и 2—не менѣе 3.

б) Отзвы профессоровъ и преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ 45 студентовъ LXII курса:

1) Экстраординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *Березкина* *Ивана* на тему: „Theologie Pastorale par A. Vinet“:

„Сочиненіе г. Березкина (стр. III+609) заключаетъ въ себѣ прежде всего передачу существеннаго содержанія названной книги реформатскаго богослова А. Винэ. Передача эта, по большей части—сокращенная, по мѣстамъ — дословная, ведется въ послѣдовательности параграфовъ книги. Затѣмъ, къ каждому изложенному параграфу нашъ авторъ присоединяетъ отъ себя дополнительныя замѣчанія, въ которыхъ иногда оцѣниваетъ и критически разбираетъ мысли изучаемаго имъ богослова, иногда показываетъ близость ихъ къ ученію православной церкви, иногда отмѣчаетъ воспроизведеніе ихъ въ нашей русской пасторологической литературѣ.

При такой постановкѣ, конечно, изложеніе системы Винэ не отличается цѣлостностію и связностію, равно какъ и критическія замѣтки не имѣютъ объединяющаго ихъ общаго начала; за то трудъ г. Березкина много выигрываетъ въ простотѣ и объективности, при совершенной—къ тому же—самостоятельности.

Читается все сочинение довольно легко, хотя нередко попадаются фразы не—русского склада, в родѣ напр. такихъ: „невозможно быть искреннимъ, когда не есть независимъ“ (стр. 255); „религія не есть никогда болѣе проникательна“ (391); „забота и попеченіе есть рѣдко дурно цѣнны“ (497); „единственное средство сдѣлать войти грѣшника въ себя самого“ (577) и др. под. Ньютонъ именуется по старинному „Невтонъ“ (160 стр.), а Сэнъ - Сиранъ неоднократно превращается у нашего автора въ „Св. Сирина“ (!! см. стр. 173, 179, 258 и 400).

Но, разумѣется, эти и подобныя мелкіе промахи не препятствуютъ признать трудъ автора вполне добросовѣстнымъ и удовлетворительнымъ“.

2) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Богданова Николая* на тему: „Древне-еврейское воспитаніе (по даннымъ Библии)“:

„Сочиненіе Г. Богданова представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ краткомъ предисловіи авторъ сообщаетъ свои сужденія объ имѣющихся въ русской богословской литературѣ монографическихъ изслѣдованіяхъ по древне-еврейскому воспитанію и намѣчаетъ схему собственныхъ изысканій въ этой области, потомъ въ трехчастномъ обзорѣ древне-еврейскаго воспитанія сначала характеризуетъ его, какъ воспитаніе религіозное; далѣе—какъ воспитаніе семейное и наконецъ—какъ воспитаніе національное. Въ заключительномъ отдѣлѣ сочиненія авторъ резюмируетъ всѣ черты древне-еврейскаго воспитанія, подчеркивая его положительныя стороны и выдѣляя отрицательныя, сравнительно съ обще-человѣческимъ идеаломъ воспитанія.

Какъ кандидатское разсужденіе, сочиненіе должно быть признано вполне удовлетворительнымъ“.

3) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Бѣлявскаго Андрея* на тему: „Максимъ Горькій. Религіозно-этическія исканія и общественно-бытовые мотивы въ его художественномъ творествѣ“:

„Схема изслѣдованія г. Бѣлявскаго на избранную имъ тему отличается обширностью замысла и глубокимъ пониманіемъ полюбившагося ему писателя. Онъ поставилъ себѣ цѣлью, послѣ вводныхъ замѣчаній о необычайной популярности Горькаго, изобразить русскую жизнь 80—90-хъ годовъ въ

историческомъ ея теченіи (I гл.) и въ художественномъ отраженіи въ произведеніяхъ Горькаго (II гл.), охарактеризовать его босяковъ (III гл.), вскрыть его религиозныя, этическіе и жизненно-практическіе идеалы и идеи (IV гл.), ввести его творчество въ сферу литературныхъ соприкосновеній (Горькій и Ницше, Горькій и марксизм—V гл.), наконецъ, объяснить его, какъ писателя и какъ художника (VI гл.). Къ сожалѣнію, вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія и полного упадка силъ, онъ не успѣлъ съ исчерпывающей полнотой осуществить всю намѣченную программу, сокративъ три послѣднія главы до конспективнаго изложенія ихъ. Однакожъ, и однѣ законченныя главы въ цѣломъ представляютъ собою обширное (410 + XLII стр.) изслѣдованіе, отличающееся всѣми достоинствами солиднаго литературнаго труда. Постановка историко-литературнаго метода у г. Бѣлявскаго носитъ на себѣ характеръ строгой научной объективности, отрѣшающей изслѣдователя отъ избитыхъ мѣрокъ художественнаго творчества и, за незначительными исключеніями въ гл. IV,—отъ традиціонной системы приговоровъ и похвалъ по адресу разбираемаго писателя. Съ объективными приѣмами своего метода авторъ подходитъ къ творчеству Горькаго прямо, непосредственно,—какъ къ явленію исторической и соціальной жизни или какъ къ выразительному образу своей эпохи. Очерчивая, въ началѣ сочиненія, бѣглыми, но яркими штрихами русскую общественную жизнь 80—90-хъ годовъ, отъ ея верховъ до обездоленныхъ низовъ, авторъ сразу же вводитъ читателя въ историческую среду, воспитавшую и направившую талантъ Горькаго. Правда, читатель ожидалъ бы видѣть поставленнымъ въ эту среду сразу же и всего писателя, во всемъ разнообразіи его творчества, но авторъ предпочитаетъ въ II-ой главѣ поставить въ соотношеніе съ изображенной жизнью лишь наиболѣе соприкасающіеся съ нею элементы его творчества, отражающіе въ себѣ непосредственно всѣ ея слои и детали. Можетъ быть, это—недочетъ плана, а можетъ быть — результатъ его сложности,—сказать трудно, какъ вслѣдствіе незаконченности сочиненія, такъ и вслѣдствіе отсутствія въ немъ общепринятаго авторскаго вступленія, ориентирующаго читателя въ частностяхъ и обобщеніяхъ труда. Въ характеристикѣ жизненныхъ изображеній Горькаго едва-ли не наибольшей

оригинальностью и новизною обобщенія отличается отдѣль (Ш гл.) посвященный босякамъ, которыхъ авторъ разсматриваетъ какъ особую разновидность въ родственной категоріи „бывшихъ людей“.

Вообще, во всѣхъ частностяхъ своихъ, какъ и въ цѣломъ, сочиненіе отражаетъ наличность у автора литературнаго таланта, способность къ широкому синтезу, самостоятельное владѣніе литературнымъ матеріаломъ и оригинальность мышленія. Отъ начала до конца сочиненія выдержаны своеобразные приемы освѣщенія фактовъ и изящный, выразительный стиль. Слѣдуетъ упрекнуть автора только по поводу пользованія имъ популярной литературой для характеристики эпохи 80—90-хъ годовъ, при игнорированіи болѣе солидныхъ и интересныхъ трудовъ. Можно было бы также поставить ему въ упрекъ слишкомъ щедрыя выдержки изъ сочиненій Горькаго, но, вчитавшись въ нихъ, читатель видитъ, что, несмотря на обширное мѣсто, занимаемое ими въ сочиненіи, онѣ не заслоняютъ собою отъ него изслѣдователя, что подборомъ ихъ авторъ вездѣ выражаетъ *свою* мысль и *свое* пониманіе Горькаго. — Совокупность указанныхъ достоинствъ сочиненія даетъ автору полное право на полученіе степени кандидата богословія“.

4) Исправляющаго должность доцента Анатолія Орлова о сочиненіи студента *Варжанскаго Николая* на тему: „Малоросійское богословіе въ отношеніи къ латинству до Петра Могилы“:

„Конѣцъ 16-го и начало 17-го в.в. представляютъ собою эпоху необычайнаго подъема и оживленія полемической противъ латинства литературы въ малорусской церкви. Брестская унія подняла на ноги всѣ силы защитниковъ православія противъ ненавистнаго историческаго врага—латинства, и заставила ихъ пустить въ ходъ весь арсеналь богословской и исторической учености въ обличеніе заблужденій западной церкви. Выдающимися литературными памятниками этой эпохи являются произведенія свящ. Василія Острожскаго, инока Іоанна Вишенскаго, Кирилла Транквилліона, Филалета и др. Разобраться въ этой историко-богословской литературѣ, привести въ систему основныя черты ея содержанія и направленія, отмѣтить характерныя особенности ея полемической аргументаціи, разсмотрѣть ее въ исторической

перспективѣ, по возможности прослѣдить ея историческій генезисъ—таковы задачи, представлявшіяся г. Варжанскому по смыслу избранной имъ темы для своего сочиненія. Нельзя сказать, чтобы авторъ выполнилъ свою задачу съ желаемымъ успѣхомъ. Авторъ далеко не использовалъ входившаго въ его тему историческаго матеріала, опустилъ безъ вниманія не мало характерныхъ чертъ малорусскаго полемическаго богословія, и почти не попытался разсмотрѣть ихъ при свѣтѣ историческихъ условій данной эпохи. Не имѣя основаній отрицать знакомства автора съ подлежащимъ его изученію историческимъ матеріаломъ и научной литературой темы, мы находимъ, что главная причина отмѣченнаго крупнаго недостатка работы г. Варжанскаго заключалась у него въ самой постановкѣ дѣла, на нашъ взглядъ, очень неудачной. Не удѣляя надлежащаго вниманія собственно историческому анализу малорусскаго полемическаго богословія, авторъ центръ тяжести своей работы положилъ въ его конфессіональной оцѣнкѣ, и придавъ своему сочиненію характеръ догматико-полемическаго трактата. Авторъ не столько объективно-исторически характеризуетъ богословскія воззрѣнія малорусскихъ полемистовъ, сколько по ихъ поводу вдается въ собственные историко-полемическіе экскурсы. Эта собственно полемическая часть работы г. Варжанскаго, нарушая архитектурическую стройность его сочиненія, на нашъ взглядъ, далеко не можетъ быть признана удачной и по своему выполненію, поскольку историко-полемическіе комментаріи автора, при всей рѣшительности и развязности ихъ тона, въ большинствѣ случаевъ отличаются научной легковѣсностью. Исходнымъ пунктомъ конфессіональной оцѣнки латинства для автора служить положеніе, что „все-ленская церковь всегда признавала вслѣдъ за Христомъ единство религіозной истины“, и что, поэтому, будто бы „название „христіанъ“, усвоенное истиннымъ послѣдователямъ Христа, т. е. православію, и на основаніи Слова Божія и по боговдохновеннымъ канонамъ св. соборовъ, никогда не прилагалось къ извратителямъ и отступникамъ истины“ (1 стр.). Отсюда, авторъ рѣшительно отказываетъ католикамъ въ наименованіи христіанами, и скорбитъ, что, „не говоря уже объ учебникахъ свѣтскихъ наукъ, упоминающихъ о религіяхъ въ совершенно безразличномъ „объективномъ“ тонѣ

и называющихъ одинаково христіанскими исповѣданія и православное, и латинское, именуемое римско-католическимъ, и протестантскія секты, на томъ основаніи, что всѣ сіи признають Христа...,—даже наши православные учебники не мѣнѣе безразличны въ этомъ далеко не маловажномъ вопросѣ“ (3 стр.). „Къ величайшему огорченію,—пишетъ авторъ—такъ я свѣтобоязнь, составляющая общій недугъ не только простыхъ смертныхъ, но даже часто и служителей церкви, имѣетъ свое и школьное и авторитетное основаніе“ (2 стр.). Изъ числа страдающихъ этимъ „недугомъ свѣтобоязни“ авторъ отмѣчаетъ не только отдѣльныхъ авторовъ,—Перова, Епифановича, Архимандрита Иннокентія, проф. Бѣляева, Иванцова—Платонова „и даже, что весьма странно, грека еп. Й. Минятія“ (3—7), но и вообще „русскую православную церковь“, которая, „очевидно, вслѣдъ за милостивымъ отношеніемъ своихъ ученыхъ изслѣдователей не желаетъ давать опредѣленнаго понятія о латинствѣ въ его отношеніи къ православію“, и „не только милостиво разрѣшаетъ не перекрещивать католиковъ, но велитъ испытывать: помазаны ли миромъ или нѣтъ? „Аще убо суть помазаны, не требѣсть есть помазати ихъ“ (ibid). Отмѣтивъ, что причина такого несправедливо „милостиваго“ отношенія современной русской церкви къ латинству заключается въ „омірщеніи общества и уменьшеніи церковнаго интереса“, авторъ находитъ, что „этотъ печальный кризисъ церковной апатіи (sic) около двухсотъ лѣтъ переживается“ русскою церковію. Нормальное, т. е. немилостивое отношенію къ латинству авторъ находитъ именно у малорусскихъ полемистовъ 16 в., когда „ни индифферентизмъ и насиліе правительственной власти, сыгравшіе значительную роль своими гуманностями“, ни „перенесеніе самаго латинства въ наше богословіе, съ обезличеніемъ православія и уничтоженіемъ рѣзкой разницы между истиной и ложью“ еще не „создали безразличія къ латинству, какъ ереси“, и „не препятствовали безпристрастно судить объ этомъ пагубномъ десятилѣтнемъ заблужденіи“ (13 стр.) Не давая себѣ труда тщательно всмотрѣться въ историческія и психологическія причины „немилостиваго“ отношенія малорусскихъ богослововъ 16 в. къ латинству, авторъ всецѣло примыкаетъ къ ихъ точкѣ зрѣнія, и ихъ историко-полемическіе приемы рѣшительно предпочитаетъ

научнымъ методамъ позднѣйшихъ изслѣдователей. „Жалкая личина мнимаго безпристрастія, которою историки прикрываютъ свою скрытую страсть (?) въ передачѣ человѣческихъ взаимоотношеній прошлаго, почти всегда сопутствуетъ (sic) изслѣдованіямъ міровыхъ явленій. Въ особенности это должно сказать о важнѣйшемъ во всемірной исторіи событіи отпаденія западной христіанской церкви отъ союза съ вселенскою церковію“ (44 стр.). „Просматривая страницы историческихъ изслѣдованій этого рокового факта“, авторъ „часто приходитъ къ странному заключенію, что въ неизгладимомъ церковномъ расколѣ играли и играютъ роль не великія всемірныя начала, требовавшія и требующія рѣшительнаго разрѣшенія (sic), какъ можно было бы предполагать при бѣгломъ даже обзорѣ церковныхъ событій IX, X. и XI в.в., а будто весь вопросъ можетъ быть сведень къ фатальной игрѣ случайностей и случайныхъ личностей“ (id.) „Вслѣдъ за признанными научными историческими изслѣдованіями и наша современная „обличительная“ богословская наука говоритъ больше объ „историческомъ“ появленіи латинства, а не о сущности его и только какъ бы по необходимости говоритъ о „различныхъ источникахъ вѣроученія“, о новшествахъ, чуждыхъ Св. Писанію, и ученіи церкви и обо всѣхъ мелочахъ, которыя отличаютъ Римское исповѣданіе отъ Православнаго. Совершенно иное отношеніе къ факту отпаденія Римской церкви приходится наблюдать въ до—Могилинской православной литературѣ... Понимая всю сущность христіанства, православные не могли разсматривать Латинство, какъ продуктъ историческихъ случайностей, игры страстей единичныхъ личностей и епархіальныхъ недоразумѣній. Ихъ безпристрастность видѣла съ одной стороны религію смиренномудрія и подвига, съ другой—языческое превозношеніе личности, узаконеніе эгоизма и стремленіе къ радостямъ жизни“ (45—46). Въ малорусской полемической литературѣ „критикуется самобытными богословами самый принципъ Латинства, разбирается слѣдствіе и причина еретической лжи и что всего замѣчательнѣе тотъ или иной догматъ не разсматривается въ деталяхъ, а прямо указывается на безнравственность новоизмышленія, какъ слѣдствіе заблужденія или, наоборотъ, указывается на несогласіе его съ существомъ христіанской Истины“ (116 стр.). Усма-

тривая въ отдѣльныхъ полемическихъ замѣчаніяхъ мало-русскихъ богослововъ цѣлостную характеристику латинства, какъ нравственнаго искаженія сущности христіанства, авторъ на всемъ протяженіи своей работы развиваетъ идею о латинствѣ, какъ омірщенномъ или юридическомъ типѣ христіанства, характеризуя латинскій методъ богословія, латинское ученіе о нравственности, о священнодѣйствіяхъ и о перкви. Не имѣя ничего въ принципѣ противъ такой концепціи католичества, довольно избитой уже въ богословской литературѣ, мы однако вправѣ требовать отъ автора серьезнаго научнаго обоснованія высказываемыхъ имъ тезисовъ. Но, къ сожалѣнію, авторъ чаще всего предпочитаетъ лишь „прямо указывать на безнравственность“ католическихъ воззрѣній, и его аргументація большею частію вращается въ сферѣ общихъ мѣствъ, изложенныхъ при томъ въ своеобразномъ фельетонномъ, а порою и довольно неуклюжемъ стилѣ. Повторяя ходячія мысли о рационалистическомъ методѣ схоластическаго богословія, объ юридическомъ складѣ католической догматики и т. п., авторъ не заботится—подтверждать свои сужденія ссылками ни на первоисточники, ни на какія-либо авторитетныя научныя изслѣдованія по исторіи и системѣ католическаго идеала. Кромѣ двухъ-трехъ ссылокъ на Римскій Католицизмъ въ изслѣдованіи г. Варжанскаго нѣтъ указаній на литературу затрогиваемыхъ вопросовъ. Лишь этимъ невниманіемъ къ историко-фактической сторонѣ дѣла можно объяснить утвержденія автора объ „уничтоженіи аскетизма и подвижничества въ латинствѣ“,—что „омірщенное латинство привело къ нравственному узаконенію культурнаго (?) идеала, по которому наслаждаться радостями земной жизни возможно и при христіанскомъ совершенствованіи“ (127),—будто въ католициствѣ „совершенно опускается изъ виду, что вся сущность искупленія заключается въ возстановленіи естества, а послѣднее есть не что иное, какъ соединеніе со Христомъ и Церковію, доходящее до единства желаній и мысли“ (ibid),—что „латинство есть религія лицемерія, оно отрицаетъ все нравственное въ христіанской этикѣ“ (129 стр.) и т. п. Чтобы воздержаться отъ такихъ рѣшительныхъ приговоровъ надъ западнымъ христіанствомъ, автору достаточно было ознакомиться хотя бы съ существующими въ русской литературѣ изслѣдованіями Эйкена, Герье,

Трубецкого и др. Авторъ вообще склоненъ представлять явленія религиозной жизни въ католичество въ карикатурно-упрощенномъ видѣ. Таковъ, напр., взглядъ автора на происхожденіе filioque,—ученія, имѣющаго, какъ извѣстно, видимо (мнимо)—серьезныя основанія въ древне-церковной традиціи (Тертуллианъ, Оригенъ, Аѳанасій, Иларій и др.) Отмѣтивъ, что „тогда какъ востокъ, правильно понявшій Откровеніе, какъ источникъ свободы духовной и свободотворящаго духа, продолжалъ давать наукообразное, но въ то же время и внутренне—правдивое выясненіе христіанскихъ началъ, западъ, признавшій внѣшнюю условность жизни, разбилъ цѣльность духовной свободы раціонализмомъ, скрытымъ подъ юридическую форму“,—авторъ послѣ этой туманно общей тирады высказываетъ заключеніе, что „только тѣсно-логическій анализъ могъ быть методомъ запада, т. к. свободное созерцаніе самимъ своимъ существомъ уничтожало бы логическую планомѣрность всей западной системы“,—и что filioque было лишь „неизбѣжно-необходимымъ выводомъ“ этого „логически-раціональнаго метода“ (110). „Полупросвѣщенное духовенство запада, почти совершенно незнакомое съ наукой Востока и глубиной его мысли, не было способно къ тонкости логическихъ опредѣленій; съ другой стороны, какъ невысокое въ нравственномъ отношеніи и съ полицейски-государственной властительской душой, безконтрольно распоряжаясь въ области вѣры, оно чуждо было свѣтлой простоты мысли христіански просвѣщеннаго простеца. Судьба свела этихъ духоводителей съ тяжелыми случайностями: Испанія была полна аріанами и съ ними необходима была борьба. Готы-аріане заставили латинство заняться вопросомъ о Божествѣ и единосущи съ Отцомъ Второго Лица Св. Троицы. Узко-внѣшнія, даже грубыя понятія богослововъ, руководимыхъ однимъ лишь стремленіемъ опровергнуть чуждое имъ ученіе, а не разъяснить его, привели къ логическому выводу возвеличенія Второго Лица Божественной Троицы, хотя бы даже въ ущербъ другимъ Лицамъ. Воспользовавшись указаніемъ Слова Божія о внѣшнемъ проявленіи Св. Духа—Его исхожденіи въ міръ отъ Сына, они сдѣлали тотъ же выводъ и о внутреннемъ свойствѣ Природы Духа, т. к. это (sic) требовалъ узко-логическій выводъ ихъ грубой юридической логики“ (110—111). Въ другомъ мѣстѣ

авторъ, повидимому, склоненъ видѣть въ filioque не столько логически-необходимый выводъ изъ „западнаго міровозрѣнія“, сколько случайный продуктъ „низкой совѣсти падающаго папства“, съ какимъ то капризнымъ самодурствомъ распоряжавшагося въ вопросахъ догматики. „Сначала римскіе епископы относились къ этому новшеству лишь терпимо, потомъ мало-по-малу стали покровительствовать непапскому измышленію. Можно утверждать, что такое милостивое вниманіе не было дѣйствительной симпатіей западнаго міровозрѣнія къ ученію о двуначальномъ происхожденіи живоначальнаго Духа, а было лишь слѣдствіемъ стремленія къ безконтрольному распорядительству въ дѣлахъ вѣры, на подобіе распорядительства Августовъ въ дѣлахъ міродержавія. Но, покровительствуя filioque у себя на Западѣ, папы не рисковали исполнѣ санкціонировать его. Какъ бы ни была низка совѣсть падающаго папства, но оно все же боялось ввести новое ученіе, не оправдываемое вѣрованіемъ Вселенской Церкви“ (63—64). Стремленіе автора витать исключительно въ сферѣ quasi—философскихъ умозрѣній и обобщеній, и недостаточное вниманіе къ историко-фактической дѣйствительности отразилось и на его сужденіяхъ о восточной церкви, мѣстами проникнутыхъ какимъ-то конфессіональнымъ шовинизмомъ. Если западная церковь „явилась продолженіемъ языческой имперіи и оказалась посему безсильной для истинно-церковной жизни“, то восточная, напротивъ, „воплотила въ себѣ Христа“ (67). Отсюда,—„внутреннее раздѣленіе, свившее себѣ прочное мѣстечко (sic) въ духѣ и направленіи Востока, вѣрнаго идеѣ вселенскаго единства и духовнаго общенія въ любви, и Запада, ставшаго на мірской путь духовно-государственной самостоятельности“ (63). Равнымъ образомъ, и „на Руси, православіе, захватившее христіанскою силою славянъ не менѣе, чѣмъ захвачены были языческіе народы, крещенные духоносными Апостолами и Ихъ ближайшими преемниками, было чуждо полу-духовнаго омѣрщеннаго христіанства и наши предки, встрѣчаясь съ латинскимъ лжеученіемъ, сразу, внутреннимъ чутьемъ, постигали всю его пагубность“ (115). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ автору приходилось имѣть дѣло съ собственно-научной документальной аргументаціей, его доказательства не всегда отличаются достаточной убѣдительностью. Такъ, напр., вы-

сказавъ мысль о „неправославномъ достоинствѣ ученія о седмеричности таинствъ“ (151), какъ „ученія неизвѣстнаго Вселенской церкви и чуждаго древне-малорусской литературы“ (152), авторъ довольствуется для доказательства этой мысли сопоставленіемъ нѣкоторыхъ формальныхъ особенностей въ характерѣ предисловія и распорядка богослужебныхъ чиновъ въ требникахъ до-Могилинскаго времени и въ требникѣ Могилы (1646 г.). „Если въ послѣднемъ исключительно только и говорится о числѣ, формѣ, матеріи, послѣдовательности словамъ и буквѣ таинствъ (какъ будто ими исчерпывается жизнь церкви)“, то въ до-Могилинскихъ требникахъ „греческаго происхожденія лишь говорится о всемъ, что совершается и священнодѣйствуется въ Церкви и о нравственномъ значеніи богослужебнаго ритуала. Не видимъ мы раздѣленія священнодѣйствій благодѣтельствующихъ челоуѣка на таинства, необходимо-потребныя и другія, и богослуженія съ обрядами и церемоніями, какъ объ этомъ только и трактуютъ латиняне и олатинившіеся православные Могилинской школы“ (154). „Свобода христіанскаго освященія и наученія въ священнодѣйствіяхъ и рабское волхвованіе латинской системы, перенесенное М. Петромъ въ православную литературу и церковныя книги болѣе, чѣмъ изъ „предмовъ“ явствуетъ изъ сравненія самого содержанія Требниковъ. Вотъ оглавленіе требника П. Могилы: о чинномъ послѣдованіи тайны св. крещенія, о матеріи и вещи св. крещенія, о формѣ или совершеніи св. крещенія, о служителѣ тайны св. крещенія и такъ по порядку о всѣхъ семи таинствахъ... Несравнено проще безъ всякихъ натяжекъ изложены чины и послѣдованія священнодѣйствій (-ій?) въ до-могилинскихъ требникахъ. Тогда какъ Могила тщательно выдѣляетъ изъ чина крещенія тайну миропомазанія, Стратинскій и Виленскій требники указываютъ на помазаніе св. миромъ крещаемого со словами: печать дара Духа Св. въ самомъ чинѣ крещенія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи предлагаются различныя чины и послѣдованія на всѣ случаи жизни челоуѣка, до его смерти, безъ всякаго преимущественнаго выдѣленія однихъ предъ другими“ (155). Эта аргументація автора въ значительной степени ослабляется отчасти тѣмъ фактомъ, что и въ требникѣ Могилы наряду съ чинопослѣдованіемъ таинствъ помѣщены „возслѣдованія молебна за болящихъ“

и „дѣлованіе усопшимъ“ (155),—а главное тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древне-малорусской литературѣ нѣтъ слѣдовъ полемики противъ седмеричности таинствъ,—откуда можно сдѣлать выводъ, что Могила собственно „не ввелъ въ русскую церковь мнимо-утвержденное церковью ученіе“ (152) о седмеричности таинствъ, а лишь выразилъ его въ болѣе отчетливыхъ школьно-научныхъ терминахъ.

Отмѣченные недостатки работы г. Варжанскаго, — методъ, приемы, характеръ и тонъ его историко-полемическихъ разсужденій, не позволяютъ признать его сочиненіе удачнымъ. Однако, принимая во вниманіе, что авторъ, видимо, не мало потрудился надъ своей темой, изучилъ, какъ самыя сочиненія малорусскихъ полемистовъ (изложенныя притомъ на довольно трудномъ для пониманія малорусско-польскомъ жаргонѣ), такъ и относящіяся къ его темѣ историческія изслѣдованія (Малышевскаго, Голубева, іером. Тарасія и др.),—и если не использовалъ въ надлежащей степени результатовъ этого изученія, то лишь вслѣдствіе, какъ мы уже отмѣтили, неудачной постановки своей работы,—нахожу возможнымъ признать г. Варжанскаго заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

5) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Величкина Сергѣя* на тему: „Религіозно-нравственныя и общественныя убѣжденія декабристовъ“:

„Вопросъ объ „идеологіи“ декабристовъ, которому посвящено небольшое (XII+229 стр.) сочиненіе г. Величкина, хотя и имѣетъ за собою нѣкоторую литературу, но вообще разработанъ сравнительно мало, особенно въ деталяхъ, касающихся религіозно-нравственной стороны ихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, самымъ существомъ дѣла авторъ былъ обреченъ на похвальную попытку „останавливать свое вниманіе на томъ, что въ литературѣ совершенно не раскрыто или же выяснено безъ достаточной полноты“ (предисловіе, стр. III). Разумѣется, такая задача не могла быть поставлена авторомъ для всего сочиненія и въ одинаковой степени осуществлена во всѣхъ его отдѣлахъ. Первая половина сочиненія, посвященная выясненію общихъ историческихъ условій, въ которыхъ развились идеалы и стремленія декабристовъ, къ сожалѣнію, страдаетъ свойствомъ совершенно противоположнаго характера: изображая жизнь русскаго общества первой

четверти 19-го столѣтія со стороны соціально-политической (1-ая часть) и религіозно-нравственной (2-ая часть), составитель съ излишнею подробностью останавливается на изложеніи достаточно общеизвѣстныхъ свѣдѣній объ эпохѣ Александра I-го, о его реформахъ и либеральныхъ предпріятіяхъ, о реакціи, наступившей во вторую половину его царствованія, и о религіозномъ движеніи въ обществѣ. Всѣ эти свѣдѣнія, впрочемъ, изложены умѣло и литературно и поставлены въ историческое и логическое соотношеніе съ движеніемъ и идеалами декабристовъ. Гораздо большей свѣжестью матеріала и самостоятельностью его обработки отличается второй отдѣлъ сочиненія, въ которомъ идетъ рѣчь о религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ (1-ая часть) и политическомъ и соціальномъ ученіи (2 ая часть) декабристовъ. Удачно полемизируя съ прот. Буткевичемъ, который совершенно бездоказательно обвинилъ декабристовъ въ атеизмъ и легкомысленномъ отношеніи къ христіанству и церкви, авторъ послѣдовательно устанавливаетъ, что религіозность, вѣра въ Бога и высокіе нравственные идеалы не только были личными свойствами большинства изъ нихъ, но окрашивали собою и всѣ ихъ политическія и соціальныя стремленія. Этотъ выводъ основывается авторомъ на разнообразныхъ, исторически достовѣрныхъ данныхъ, добытыхъ изъ недавно изданныхъ мемуаровъ и стихотвореній декабристовъ, иллюстрируется уставомъ „Союза Благоденствія“ и подкрѣпляется краснорѣчивыми подробностями изъ біографіи главныхъ дѣятелей тайнаго общества. Развитие политическихъ и идеальныхъ стремленій декабристовъ уясняется авторомъ въ связи съ фактической исторіей тайнаго общества; здѣсь показывается, какъ, исходя изъ нравственныхъ и патриотическихъ побужденій, члены общества постепенно въ своихъ преобразовательныхъ стремленіяхъ отъ вопроса о соціальной реформѣ перешли къ опредѣленнымъ политическимъ идеаламъ. Заключение посвящено выясненію вліянія декабристскихъ идей на правительственныя сферы, но лишь попутно и общими фразами здѣсь затрогивается вопросъ о вліяніи этихъ идей на общественное сознаніе.

Главный недостатокъ сочиненія г. Величина состоитъ въ недостаткѣ обобщающей обработки разнообразнаго матеріала, надъ которымъ онъ оперируетъ. Извлеченныя изъ разныхъ

источниковъ подробности, касающіяся религіозныхъ вѣрованій, нравственныхъ воззрѣній и преобразовательныхъ стремленій декабристовъ, не объединены имъ настолько, чтобы получилось полное, цѣлостное и законченное изображение декабристской идеологіи, какъ ученія, включающаго въ себя предпосылки, между прочимъ, и религіозно-нравственного характера. Эти подробности часто ставятся въ связь съ реальной почвой живыхъ отношеній эпохи, но онѣ не вводятся въ ближайшую, наиболѣе родственную имъ идейную и психическую среду. Политическое и социальное ученіе декабристовъ, какъ рядъ концепцій до извѣстной степени утопическихъ, могло бы быть поставлено въ близкое соотношеніе съ литературнымъ романтизмомъ 20-хъ годовъ; тогда, можетъ быть, даже въ декабристскихъ мечтаніяхъ о древнерусской вольности пришлось бы отмѣтить отзвуки романтическаго стремленія обосновать идеалы будущаго на преданіи о прошломъ. И установить эту связь романтизма политическаго и литературнаго было тѣмъ легче и тѣмъ необходимѣе, что недавно изданныя стихотворенія декабристовъ представляютъ собою сферу взаимнаго проникновенія того и другого течения. Не сосчитавшись съ ближайшими идейными соответствіями, въ которыя должно быть поставлено ученіе декабристовъ, авторъ не совладалъ послѣдовательно и съ имъ же установленнымъ понятіемъ декабристской „идеологіи“: значеніе этого понятія иногда сокращается до отдѣльных случайныхъ эпизодовъ политическаго ученія, даже просто до личныхъ свойствъ и біографическихъ чертъ изображаемыхъ дѣятелей.

Этотъ недостатокъ сочиненія г. Величина искупается его существенными достоинствами: основательнымъ изученіемъ литературы, относящейся къ предмету, обнаруживаемою авторомъ способностью научно и съ успѣхомъ разбираться въ историческомъ матеріалѣ, вѣрной точкой зрѣнія на общій смыслъ изучаемыхъ явленій, наконецъ, сжатостью и литературностью изложенія. Сочиненіе даетъ автору право на получение степени кандидата богословія“.

6) Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Виноградова Сергѣя* на тему: „Высшая церковная іерархія и бѣлое духовенство XVIII и начала XIX в.“:

„Названное сочиненіе раскрываетъ свою тему въ слѣдующихъ частныхъ отдѣлахъ:

1) Юридическое положеніе бѣлаго духовенства въ государствѣ какъ одного изъ сословій. Подъ этою рубрикою предлагается обильный матеріалъ изъ законодательства и исторической литературы объ XVIII вѣкѣ, раскрывающій права, повинности, привилегіи духовнаго сословія; изображается фактическая приниженность и забитость его со стороны разныхъ свѣтскихъ властей, жестокая политика государственнаго правительства по разбору излишковъ въ многочисленномъ составѣ его — „праздныхъ людей“ — для опредѣленія въ военную службу; безучастіе церковной іерархіи въ защитѣ бѣлаго духовенства отъ притѣсненій и этой суровой государственной политики. Перемѣна къ лучшему въ положеніи духовенства начиная съ царствованія Елизаветы Петровны и въ особенности въ царствованія Екатерины II и Павла I (стр. 1—156).

2) Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи бѣлаго духовенства (стр. 157—220). Здѣсь изображается фактическое крайне скудное содержаніе бѣлаго духовенства, обремененнаго при томъ налогами и повинностями не только государственными, но и епархіальными, указываются нѣкоторыя мѣропріятія правительства по упорядоченію ружнаго содержанія и надѣленія духовенства землею. Въ концѣ дѣлается противопоставленіе бѣднаго духовенства богатому быту епископовъ и монашествующихъ.

3) Вопросъ о поднятіи уровня образованія среди бѣлаго духовенства. Здѣсь подробно излагаются мѣропріятія правительства Имп. Анны Іоанновны, Екатерины и Павла I о поднятіи образованія въ духовенствѣ и указываются причины неуспѣшности ихъ — въ нерасположеніи самого духовенства и скудости обезпеченія школь. Поворотъ къ лучшему въ царствованіе Павла и Александра I-го (стр. 221—303).

4) Взаимное отношеніе высшей епархіальной власти и бѣлаго духовенства. Подъ этою рубрикою разсматриваются слѣдующіе частные отдѣлы: а) властное положеніе епископа въ отношеніи къ епархіальному духовенству: усиленію его содѣйствовали упадокъ выборнаго начала въ приходской жизни и укрѣпленіе начала наслѣдственности въ замѣщеніи мѣстъ. Изображеніе этого явленія — въ малороссіи и въ великороссіи; б) развитіе наслѣдственности въ передачѣ священнослу-

жительскихъ мѣсть и содѣйствіе этому порядку со стороны Іерархіи. Мѣры правительства Екатерины II-ой къ уничтоженію владѣльческихъ отношеній въ средѣ епархіальнаго быта; в) ставленническое производство; поборы съ духовенства; въѣздъ архіерея въ епархію и ревизіи ея; характеръ епархіальнаго судопроизводства; измѣненіе къ лучшему въ правленіе Екатерины II-ой (305—464).

Сочиненіе предваряется предисловіемъ, въ которомъ изложенъ планъ его, и оканчивается приложеніемъ, въ которомъ сообщается перечень источниковъ и пособій. Оно представляетъ собою весьма усердный, добросовѣстно выполненный трудъ. Авторъ тщательно собралъ относящееся къ предмету законодательство за XVIII столѣтіе и богатый фактической матеріалъ въ изслѣдованіяхъ и статьяхъ историческихъ журналовъ (жаль однако, что ему остались неизвѣстными труды проф. А. С. Лебедева). Но относительно плана и порядка въ размѣщеніи отдѣловъ сочиненія замѣтны недостатки довольно существенные, а именно: I) неполнота. Авторъ совсѣмъ упустилъ изъ виду охарактеризовать положеніе церковной іерархіи и отношеніе къ ней высшаго государственнаго правительства. Это опущеніе отразилось нѣсколько невѣрнымъ освѣщеніемъ самыхъ епархіальныхъ отношеній: по его сочиненію оказывается, что іерархія относилась безучастно къ улучшенію быта бѣлаго духовенства; если что и сдѣлано было для сего—то все это исходило отъ правительства. И наоборотъ, если правительство издавало жестокіе указы противъ духовенства, то іерархія только тщательно исполняла ихъ, а не защищала противъ нихъ. Отчего же все это происходило? По изслѣдованію автора выходитъ, что архіереи XVIII в. въ неизмѣримомъ большинствѣ были жестокіе люди (авторъ съ добросовѣстностію историка указываетъ и примѣры выдающихся гуманностію іерарховъ). Вопросъ значительно иначе освѣтился бы, если бы авторъ принялъ во вниманіе зависимое положеніе самой іерархіи отъ государственнаго правительства. Тогда для него было бы ясно, что іерархіи не оставалось ничего дѣлать, какъ только исполнять предначертанія и мѣры правительства. Значительно сгущены краски и относительно благосостоянія архіереевъ: въ XVIII в. многіе изъ архіереевъ весьма нуждались сами—такъ какъ были только фиктивными владѣль

цами крестьянъ и земель— фактически же ими владѣло правительство.—П) Размѣщеніе отдѣловъ сочиненія также нельзя признать удачнымъ: послѣдній отдѣлъ лучше бы поставить вслѣдъ за первымъ, такъ какъ и онъ очерчиваетъ юридическое положеніе духовенства,—какъ сословія *служилаго*.

Вообще же сочиненіе вполне заслуживаетъ кандидатской степени“.

7) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Вишневецкаго Евстафія* на тему: „Отношеніе русской церкви къ государству въ синодальный періодъ“:

„Обширное сочиненіе г. Вишневецкаго, состоящее изъ введенія и шести главъ, не представляетъ полнаго отвѣта на вопросъ: послѣ краткаго обзора въ I главѣ отношеній нашей церкви къ государству въ допетровскій періодъ, въ остальныхъ пяти главахъ авторъ обозрѣваетъ съ этой стороны только царствованіе Петра I и его преемниковъ до Екатерины II. Однако то, что сдѣлано авторомъ, свидѣтельствуется о немъ, какъ добросовѣстномъ работникѣ. Только I глава, составленная по однимъ пособіямъ, почти безъ обращенія къ источникамъ, написана сравнительно слабо. Вся остальная работа заслуживаетъ похвалы: она представляетъ результатъ обширной начитанности въ литературѣ по исторіи русской церкви синодального періода, внимательнаго изученія источниковъ—главнымъ образомъ Полнаго Собранія Законовъ Росс. Имп. и Полнаго Собранія Постановл. и Распоряж. по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія, и умѣнья разбираться въ сложныхъ и сухихъ вопросахъ законодательства. Здѣсь мы находимъ всесторонній и детальный обзоръ высшей церковной политики въ первыя царствованія новой исторіи, политики, въ которой ясно сказалось подчиненное положеніе церкви.

Въ общемъ сочиненіе г. Вишневецкаго очень хорошее“.

8) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Владимірскаго Петра* на тему: „Черты современности у проповѣдниковъ XVIII вѣка“:

„Проповѣдь одна изъ главнѣйшихъ обязанностей пастыря. Но проповѣдовать Евангеліе не значитъ передавать его дословно, въ томъ самомъ видѣ, какъ оно передано въ книгѣ. Для такого рода проповѣди не потребовались бы пожалуй и особаго рода проповѣдники. Очевидно, проповѣдь евангель-

ская не может исчерпываться однимъ только простымъ изложеніемъ ученія Христа. Евангеліе должно стать краеугольнымъ камнемъ всей жизни христіанина, освѣтитъ каждый шагъ его, заглянуть въ самые сокровенные уголки его души, стать закваской вѣчно мѣняющейся жизни и преобразовать вѣчно новую жизнь по стихіямъ зиждительно небеснымъ, но не земнымъ, по Христу, а не по антихристу.

18 вѣкъъ былъ вѣкомъ особеннымъ, исключительнымъ въ нашей исторіи. Въ это время колоссъ-великанъ государство было сдвинуто съ его старинныхъ устоевъ теократическаго государства и поставлено было на новыхъ „китахъ“, на началахъ западной цивилизаціи. Произошла такая ломка всего уклада старорусской жизни, какая не происходила ни до этого времени, ни послѣ этого времени. Русь реформировалась по существу. Надъ всею Русью царилъ полный абсолютизмъ, уничтожившій и „Боярскую Думу“ и „Освященный Синодъ съ патріархомъ во главѣ“, иногда бывшіе не простыми только совѣтниками русскаго государя. Воля Петра, не знавшая никакихъ преградъ, производила такіе эксперименты надъ русскимъ бытомъ, какіе нашимъ предкамъ никогда не грезились и во снѣ. Все было сломано сверху до низу и въ общественномъ, и политическомъ, и семейномъ, и религіозномъ отношеніи. Сломанъ былъ единымъ взмахомъ пера не только старый гражданскій бытъ, но и старый церковный бытъ. Недаромъ многіе изъ нашихъ предковъ того времени окрестили эту абсолютную волю прямо по-русски открыто безъ всякихъ деликатностей „антихристомъ“.

Направленіе, данное русской церковно-общественной жизни великимъ преобразователемъ, продолжалось все время и послѣ его смерти, входя болѣе детально и болѣе глубоко во всѣ стороны нашей церковно-общественной жизни.

Предъ авторомъ открывалась широкая перспектива освѣтить дѣятельность духовенства въ эту любопытнѣйшую эпоху. Авторъ задумалъ широко разработать данный ему вопросъ, изучилъ массу проповѣдей архипастырей того времени, изучилъ множество произведеній свѣтскихъ писателей и представилъ предъ нами очень вѣрную картину движенія проповѣднической мысли нашей въ разсматриваемое время. Предъ нами проходятъ длинной вереницей типы проповѣдниковъ-царедворцевъ, торговавшихъ Божиимъ достояніемъ, защищавъ

шихъ съ легкою совѣстью то, чего никогда нельзя было защищать. Свое благополучіе и честолюбіе они ставили выше церковныхъ интересовъ и находили за лучшее жертвовать ими, за что получали очень щедрыя награды и большое благоденствіе. Предъ нами проходитъ рядъ архипастырей, которые не склоняли своей вѣи передъ неправдой, хотя бы она исходила изъ устъ самого царя. Мы видимъ, какъ напр., м. Стефанъ Яворскій, мѣстоблюститель патріаршаго престола, открыто въ храмѣ обличаетъ государя, забывшаго завѣты своей родной земли, государя, который по своимъ возрѣніямъ и по образу своей жизни и дѣятельности болѣе напоминаетъ протестанта, чѣмъ православнаго вѣрнаго и преданнаго сына своей церкви. Мы видимъ, съ какою радостію и съ какими надеждами встрѣчаютъ Императрицу Елизавету наши архипастыри, такъ много настрадавшіеся въ предшествовавшія царствованія.

Въ общихъ чертахъ авторъ уловилъ весьма точно смѣну и отгѣнки проповѣдническихъ направленій, возникавшихъ у насъ въ это смутное время. При Императорѣ Петрѣ мы присутствуемъ при неудержимомъ прогрессизмѣ. Проповѣдь, какъ тѣнь за человѣкомъ, всюду слѣдуетъ за этими отгѣнками настроеній и направленій въ правящихъ сферахъ. Въ эпохи прогрессизма и она прогрессивна, въ эпохи реакціи и проповѣдь реакціонна; въ эпохи запретовъ и проповѣдь исчезаетъ, въ эпохи поворотныя и проповѣдь оживляется, въ извѣстной, точно пропорціональной размаху поворота мѣрѣ.

Въ ряду недостатковъ сочиненія автора можно указать длинный просмотръ имъ различныхъ важныхъ документовъ, недостаточно обстоятельный обзоръ и изученіе и бывшихъ подъ руками. Но эти недочеты въ сочиненіи столь обширно задуманномъ положительно неизбѣжны. Едва-ли даже и возможно болѣе подробно, чѣмъ какъ это сдѣлалъ (1—385 стр.) авторъ въ своемъ сочиненіи въ 385 страницъ, изложить исторію современности проповѣди за XVIII вѣкъ.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ вполне“.

9) Экстраординарнаго профессора Александра Шостынина о сочиненіи студента *Гаврилюка Александра* на тему: „Проблемы воспитанія въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевскаго“:

„Сочиненіе г. Гаврилюка заключаетъ въ себѣ, кромѣ об-

шаго введенія (стр. 1—19), двѣ части изслѣдованія. Первая часть имѣетъ надписаніе: „воспитаніе по Толстому“—и распадается на три главы: 1—„общіе принципы и приемы воспитанія“ (стр. 20—62), 2—„религіозное воспитаніе“ (стр. 63—118), 3—„половое воспитаніе“ (119—197).

Вторая часть, трактующая о воспитаніи по Достоевскому имѣетъ въ свою очередь небольшое введеніе (стр. 199—212) и также три главы: 1—„нравственное совершенство воспитателя и воспитаніе добрымъ примѣромъ“ (213—242), 2—„приемы воспитанія и воспитательный методъ Достоевскаго“ (243—315), 3—„Религіозное воспитаніе“ (316—364).

Уже судя по этому перечню главъ нельзя сказать, чтобы авторъ схватилъ и изложилъ цѣлостно всѣ педагогическія мысли и сужденія избранныхъ имъ мыслителей. Ни въ одной изъ нихъ не нашлось мѣста напр. для своеобразнаго взгляда Толстого на значеніе науки и научнаго образованія. Авторъ рѣшилъ, повидимому, сосредоточить свое вниманіе лишь на болѣе общихъ и основныхъ пунктахъ, характерныхъ для каждаго изъ названныхъ писателей. Но не претендуя на полноту и всесторонность, изслѣдованіе г. Гаврилюка отличается совершенною объективностью и ясностью изложенія педагогическихъ взглядовъ Толстого и Достоевскаго.

Что касается критическаго разбора этихъ взглядовъ, то нашъ авторъ проявляетъ безпристрастное—критическое отношеніе лишь къ мыслямъ Толстого, при чемъ хорошо разъясняетъ различныя противорѣчія въ его раннѣйшихъ и позднѣйшихъ воззрѣніяхъ (руководствуясь указаніями статей проф. Гусева и особенно—архіепископа Антонія). По отношенію же къ Достоевскому онъ проявляетъ одинъ восторгъ и преклоненіе. „Произведенія Достоевскаго,—пишетъ онъ,—способны несравненно лучше нравственно воспитать человѣка, чѣмъ всѣ этическія системы нашихъ философовъ и богослововъ, взятыя вмѣстѣ, и въ этомъ смыслѣ и значеніи они приближаются къ богооткровеннымъ писаніямъ (!). Вотъ почему книги Достоевскаго должны быть настольными книгами каждаго человѣка и, тѣмъ болѣе, человѣка, думающаго и желающаго воспитывать другихъ и самого себя“ (стр. 211—212).

Нельзя, конечно, одобрить странную по мѣстамъ цитатію нашего автора,—въ родѣ напр. „см. соч. Толстого „*Ma religion*“,—безъ обозначенія изданія и страницъ (100). Но въ

общемъ сочиненіе г. Гаврилюка должно быть признано хорошимъ и вполне достаточнымъ для кандидатской степени“.

10) Инспектора Академіи—заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Глаголева Вячеслава* на тему: „О духовныхъ дарованіяхъ въ Коринтеской церкви (1 Кор. 12 и 14 гл.)“:

„Сочиненіе (387 стр.) представляетъ послѣдовательный комментарий на 12 и 14 главы 1-го посланія къ Коринтеянамъ и послѣ предварительныхъ замѣчаній о харисмахъ въ первенствующей церкви и харисматикахъ въ Коринтеѣ (1—16 стр), соотвѣтственно тексту указанныхъ главъ, состоитъ изъ слѣдующихъ семи главъ: 1) характеристика христіанскаго вдохновенія въ противоположность языческому: 12, 1—3 (стр. 16—40),—2) мѣсто даровъ духовныхъ въ церкви Христовой: 12, 4—7 (стр. 41—70),—3) духовныя дарованія въ Коринтеской церкви: 12, 8—11 (стр. 71—122),—4) значеніе и взаимное отношеніе духовныхъ дарованій въ церкви: 12, 12—27 (стр. 122—143),—5) служенія въ церкви Христовой: 12, 28—30 (стр. 143—203),—6) разсужденіе, стоящее внѣ послѣдовательнаго экзегеса, о дарѣ языковъ (глоссолалія) и изложеніе и критика разныхъ пониманій его (стр. 204—235),—7) пророчество въ языкоговореніи—глоссолалія: 12, 31 и 14, 1—40 (стр. 236—376) и заключеніе о психическомъ состояніи глоссолала (стр. 376—379) съ перечнемъ пособій (стр. 381—387).

Краткимъ и яснымъ языкомъ авторъ сообщаетъ всѣ, по настоящее время добытыя, результаты научнаго экзегеса данныхъ главъ, пользуясь какъ древне-христіанскими, такъ и новѣйшими русскими и иностранными пособіями. Сложнымъ филологическимъ аппаратомъ современнаго научнаго экзегеса авторъ овладѣлъ въ достаточной степени для усвоенія новѣйшихъ научныхъ работъ и далъ въ общемъ весьма основательное и довольно специальное изслѣдованіе одного изъ труднѣйшихъ отдѣловъ Новаго Завѣта. Для уясненія упоминаемыхъ Апостоломъ харисмъ и харисматиковъ авторъ привлекъ и всѣ, доселѣ извѣстныя, параллели изъ древне-христіанскихъ источниковъ, между прочимъ, по моему личному указанію, изъ Testamentum Domini Christi, гдѣ глоссолалія трактуются въ качествѣ людей, не обладающихъ здоровьемъ. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на наи-

болѣе темномъ дарѣ—языковъ или глоссолаліи, основательно критикуя неудобопріемлемыя объясненія (иностранные языки, поэтически-высокій языкъ, архаизмы и вульгаризмы, нечленораздѣльная рѣчь, шопотъ, рудиментарный языкъ, музыка и пѣніе) и принимая вообще воодушевленную рѣчь во время экстатического состоянія въ формѣ молитвы, псалма, благодаренія, но отрывочную и непонятную для простецовъ и вообще для необладавшихъ даромъ пониманія и толкованія глоссолалическихъ рѣчей, и потому требовавшую особаго истолкованія отъ обладавшихъ этимъ даромъ толкованія глоссолаліи. Считаю нужнымъ отмѣтить толкованіе, данное авторомъ, одному изъ труднѣйшихъ мѣстъ отдѣла, именно 14, 20—25, основанное на моемъ пониманіи словъ: *οὐκ ἐροῦσι, ὅτι μαίνομεθε* въ добромъ значеніи глагола *μαίνομαι*—воодушевленія, экстаза, боговдохновенности, божественной маніи. Отсюда авторъ довольно и лучше всѣхъ, доселѣ данныхъ, интерпретацій изъяснилъ 22-й стихъ, именно: какимъ образомъ пророчество и языкоговореніе могутъ служить знаменіями для вѣрующихъ и невѣровъ. Специалистамъ по новозавѣтному экзегесу извѣстно, какъ трудно въ настоящее время, послѣ столь многочисленныхъ работъ по новому завѣту во всѣхъ странахъ запада, не только для русскаго, но и для западнаго экзегета дать новое и притомъ болѣе всѣхъ прежнихъ удачное объясненіе какого-либо труднаго мѣста. Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить этотъ удачный опытъ русскаго начинающаго ученаго.

Изъ частныхъ недостатковъ сочиненія укажемъ на отсутствіе греческаго текста толкуемыхъ главъ со всѣми вариантами подлинника и переводовъ и неполноту филологическаго и текстуально-критическаго изслѣдованія. Можно пожелать большихъ подробностей при изъясненіи термина *ἰδιώτης*, болѣе широкаго раскрытія ученія Ап. Павла о Церкви, какъ тѣлѣ Христовомъ, болѣе обстоятельнаго анализа психическаго состоянія пророковъ и глоссолатовъ.

Эти и другіе частные недостатки не препятствуютъ труду г. Глаголева быть совершенно удовлетворительнымъ для кандидатской степени и заслуживающимъ полного одобренія“:

11) Экстраординарнаго профессора Александра Шостыгина о сочиненіи студента *священника Горлицына Владиміра*: „Святой Григорій Двоесловъ, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ“:

„Сочиненіе о. Горлицына естественно распадается на двѣ части. Изъ нихъ первая (стр. 5—105) посвящена описанію пастырской жизни и дѣятельности св. Григорія Двоеслова, а послѣдняя (стр. 105—254) изложенію и оцѣнкѣ ученія этого святителя о пастырскомъ служеніи. Каждая изъ этихъ частей заключаетъ въ себѣ по четыре главы. Въ 1-й главѣ *первой* части авторъ разсматриваетъ тѣ благопріятныя условія, подѣ влияніемъ которыхъ подготовлялся св. Григорій къ своему высокому служенію; во 2-й гл. обзрѣваетъ его пастырское попеченіе о благоустроеніи и спасеніи римской паствы; въ 3-й—его попеченіе о просвѣщеніи и возвращеніи на путь истины и раскаяніи различныхъ еретиковъ, раскольниковъ, а также непросвѣщенныхъ еще свѣтомъ Христова ученія (язычниковъ и евреевъ); въ 4-й гл. характеризуетъ собственно частное пастырское душепопеченіе этого святителя.—Въ трехъ первыхъ главахъ *второй* части сочиненія о. Горлицына представляеть изложеніе содержанія соответствующихъ трехъ главъ важнѣйшаго труда св. Григорія — *Liber regulae pastoralis*, и наконецъ въ 4-й гл. занимается вопросомъ о генетичной связи этого труда западнаго святителя съ подобными трудами восточныхъ отцовъ—пасторалистовъ, также о значеніи его для пасторологической науки и для нашихъ современныхъ пастырей.

Изъ этого обзора явствуетъ, что всѣ существенные вопросы, входившіе въ объемъ данной о. Горлицыну темы, обслѣдованы имъ въ надлежащемъ порядкѣ и съ достаточною полнотою, ибо, кромѣ названнаго важнѣйшаго труда св. Григорія Вел., онъ нерѣдко обращается и къ сохранившимся письмамъ этого святителя, равно и къ экзегетическимъ его трудамъ (вапр. къ Бесѣдамъ на пр. Іезекииля, на Евангелія и др.).

Для степени кандидата богословія работа о. Горлицына должна быть признана совершенно достаточною“.

12) Инспектора Академіи—заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Гумилевскаго Ильи* на тему: „Ученіе Апостола Павла о Любви“:

„На 248 страницахъ разгонистаго письма авторъ сѣумѣлъ: а., довольно многосторонне разсмотрѣть ученіе Апостола Павла о Любви, кромѣ предисловія о пособіяхъ и содержаніи сочиненія (стр. I—IX) и греческаго указателя объяснен-

ныхъ словъ (стр. 249 — 255), сообщивъ текстъ апостольскаго ученія о любви и раскрывъ понятіе любви, его употребленіе и значеніе любви—въ первой главѣ (стр. 1—46), характеръ христіанской любви—во второй (стр. 47—108), Любовь и ея отношеніе къ Вѣрѣ и Надеждѣ—въ третьей (стр. 109—142), эволюцію христіанской Любви—въ четвертой (стр. 143—205) и характеръ христіанской свободы—въ пятой (стр. 205—248), —б., обнаружить основательное изученіе первоисточника (посланій Ап. Павла и другихъ новозавѣтныхъ писаній) при руководствѣ лучшихъ иностранныхъ и русскихъ пособій текстуально-критическихъ, грамматическихъ, лексическихъ, общетеологическихъ и специально-экзегетическихъ,—в.) изложить весьма трудный и сложный предметъ въ отчетливо-ясномъ, стройно-систематическомъ построеніи и языкомъ замѣчательно краткимъ, точнымъ, выработаннымъ,—г.) и, при раскрытіи темы, изъяснить болѣе или менѣе подробно до 115 трудныхъ терминовъ и разныхъ оборотовъ и сочетаній, давъ много дѣльныхъ наблюденій и тонкихъ психологическихъ и филологическихъ анализовъ. Неумѣренная общность, близкая иногда къ сухости рубрикальнаго распредѣленія текстовъ въ старинныхъ схоластическихъ системахъ теологіи, особенно въ послѣдней главѣ,—полное отсутствіе раскрытія внѣтеологическихъ и внѣбиблейскихъ, т. е. общихъ философско-психологическихъ основъ Любви и недостаточное освѣщеніе предмета изъ общетеологической и общепсихологической сторонъ вѣроученія Ап. Павла и вообще Новаго Завѣта и нѣкоторые другіе частные недостатки нисколько не препятствуютъ сочиненію г. Гумилевскаго не только быть трудомъ вполне удовлетворительнымъ для ученой степени кандидата богословія, но и, въ печатномъ видѣ, представлять цѣнный вкладъ въ небогатую русскую литературу по Новозавѣтному Богословію“.

13) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Добромыслова Анатолия* на тему: „Обзоръ и разборъ русской литературы за послѣднее полу столѣтіе о кончинѣ міра и загробной жизни“:

„Послѣ введенія, въ которомъ указаны важность и интересъ вопросовъ о кончинѣ міра и загробной жизни, но, къ сожалѣнію, ничего не сказано о задачѣ, планѣ и приемахъ изслѣдованія, авторъ обзоръ литературы, подлежащей его

изслѣдованію, разбилъ на двѣ части. Въ трехъ главахъ первой части (25—178 стр.) онъ изложилъ: 1) естественно-научныя гипотезы о кончинѣ міра и человѣческаго рода (глава 1-я), 2) богословскія мнѣнія и ученія о томъ же предметѣ (глава 2-я), и 3) ученія о воскресеніи мертвыхъ, о страшномъ судѣ и о кончинѣ міра (глава 3-я). Вторая часть (178—296 стр.), распадающаяся, кромѣ краткаго введенія, на двѣ главы, содержитъ обзоръ ученій: 1) о безсмертіи души и 2) о загробномъ состояніи ея, въ частности—о состояніи въ загробной жизни праведниковъ, объ адѣ и его мученіяхъ, о вѣчности мученій адскихъ, о молитвахъ за умершихъ, о чистищахъ, а въ заключеніе о спиритизмѣ.

Въ сочиненіи собственно даны обзоръ и изложеніе разслѣдованій вопросовъ по эсхатологіи въ русской богословской литературѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ; а сама литература только перечислена въ количествѣ 39 книгъ и журнальныхъ статей. Объ объемѣ этихъ книгъ и статей, о содержаніи ихъ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ ничего не сказано, а только мѣстами сдѣланы краткія замѣчанія о тѣхъ или иныхъ изложенныхъ взглядахъ. Кто изъ писателей взятаго періода сдѣлалъ больше для разработки эсхатологіи, кто меньше, въ какой зависимости и отъ кого стояли эти писатели, какіе вопросы у кого-либо изъ нихъ раскрыты особенно обширно и основательно—все это не затронуто авторомъ сочиненія. Получился собственно обзоръ и разборъ не литературы по эсхатологіи, а изложеніе изслѣдованныхъ въ ней вопросовъ по этому отдѣлу догматики.

Критики въ сочиненіи мало. Перечень книгъ и статей по эсхатологіи не полонъ.

Но съ другой стороны сочиненіе имѣетъ свои достоинства. Автору его привелось прочесть много книгъ и статей, которыя предварительно нужно еще было отыскать. Затѣмъ потребовалось много времени на извлеченіе изъ груды матеріала наиболѣе важнаго содержанія. Извлеченное содержаніе изложено имъ систематично, легкимъ и правильнымъ литературнымъ языкомъ. Нужно принять еще и то во вниманіе, что у него не было образца въ видѣ одной какой-либо книги, въ которой была бы изслѣдована та же тема, или хотя бы часть темы. Въ виду этого мы считаемъ возможнымъ при-

знать автора сочиненія достойнымъ степени кандидата богословія“.

14) Ординарнаго профессора Михаила Тарѣева о сочиненіи студента *Знаменскаго Сергѣя* на тему: „Ученіе Гюйо о религіи и морали“:

„Сочиненіе г. Знаменскаго нужно оцѣнить очень высоко, хотя рецензентъ лишенъ возможности воспользоваться „неотразимыми“ аргументами. Онъ не можетъ опереться на „исключительно большой объемъ“ рецензируемаго сочиненія, иногда фигурирующей въ импонирующихъ отзывахъ, или на исключительно малый объемъ, тоже дающей поводъ къ исключительно „восторженнымъ“ рецензіямъ: сочиненіе г. Знаменскаго по объему принадлежитъ къ числу среднихъ (432 страницы). Не можетъ также рецензентъ указать на экстраординарную важность или рѣдкую трудность заданной проблемы, на недоступность источниковъ, на подавляющее изобиліе пособій, обычно бросающія на искателей кандидатскаго достоинства свѣтлый лучъ героической отваги, которая столь близко граничитъ съ наивной неустрашимостью или же лукаво фальсифицированнымъ мужествомъ: философъ Гюйо—талантливый мыслитель средней величины—нашъ современникъ, нѣсколько томиковъ его сочиненій легко достать и легко прочитать, написаны они изящнымъ языкомъ философа-поэта, полупозитивная мораль его кристаллически-прозрачна и во всякомъ случаѣ образуетъ сферу, доступную силамъ начинающаго ученаго. Достоинство сочиненія г. Знаменскаго не въ характерѣ того, за что онъ взялся и къ чему приступилъ, а въ томъ, *какъ* онъ исполнилъ взятую на себя задачу, и далѣе—не во внѣшнихъ приемахъ и аксессуарахъ исполненія, каковы—обиліе исписанной бумаги или пестрящей калейдоскопъ цитатъ, цѣну которымъ знаетъ любой семинаристъ, а въ логическихъ приемахъ работы—въ методѣ мысли и слова. Мнѣ припоминаются слѣдующія слова изъ *Очерка морали* Гюйо: „Вы не колеблете истины науки, на примѣръ морали, когда показываете, что предметъ ея, какъ науки, ограниченъ. Напротивъ, ограничить предѣлы науки нерѣдко то же, что придать ей характеръ большей достовѣрности: химія—не что иное, какъ алхимія, ограниченная доступными наблюденію фактами“. Немного измѣнивъ, можно было-бы сказать этими же словами Гюйо: „Вы не

колеблете достоинства кандидатской работы, когда покаяете, что предмет ея ограниченъ. Напротивъ, ограничить предѣлы кандидатскаго сочиненія это то же, что придать ей характеръ большей достовѣрности, какъ испытанію силъ начинающаго ученаго“. Посильность работы прежде всего устраняетъ все, что можетъ маскировать логическія силы автора: авторъ рецензируемаго труда не прячется ни за головоломную высоту проблемы и головокружительную важность предмета, ни за источники и пособія,— онъ весь на виду, поле раскрытія его литературныхъ силъ доступно обзорѣнію со всѣхъ сторонъ, онъ говоритъ полнымъ голосомъ безъ фальшивыхъ нотъ, которыя или слишкомъ много обѣщаютъ или слишкомъ много прикрываютъ. Конечно, мы въ такомъ случаѣ въ правѣ приложить самую строгую мѣру, но мы должны ожидать полноты лишь подходящей мѣры. Эту полноту рецензентъ и констатируетъ. Начну съ внѣшней стороны: сочиненіе г. Знаменскаго можно сейчасъ же сдать въ типографію, *не измѣняя въ немъ ни одного слова*,—и это будетъ выдающаяся книга по изящности языка, твердости слова, художественной закругленности плана. Со стороны содержанія разсматриваемое изслѣдованіе исчерпываетъ свой предметъ, идетъ въ гармоническій уровень съ нимъ,— оно даетъ полное изложеніе религіозно-моральной философіи Гюйо, и по ея генезису и по ея основнымъ пунктамъ, и подвергаетъ ее основательной критикѣ. Такъ какъ моральная философія Гюйо началась съ критики стоической и эпикурейско-утилитарной моральныхъ системъ, то и г. Знаменскій начинаетъ изложеніе этики Гюйо съ установки его отношеній къ стоицизму, эпикуреизму и утилитаризму. При этомъ рецензентъ считаетъ долгомъ отмѣтить чувство мѣры, которымъ авторъ руководился въ выборѣ изъ обширнаго матеріала лишь тѣхъ моментовъ, которые вошли въ положительную часть этической философіи Гюйо. Нужно имѣть въ виду, что критическія предпосылки моральной системы Гюйо справедливо пользуются извѣстностью, какъ образецъ научной критики, и предъ изслѣдователемъ этой системы проходятъ въ критическомъ освѣщеніи важнѣйшія изъ этическихъ теченій, къ которымъ референтъ такъ или иначе долженъ выяснитъ и свое собственное отношеніе. Самая моральная и религіозная система Гюйо излагается по его кни-

гамъ *Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction* и *L'irréligion de l'avenir* полно, вдумчиво, съ рельефною выпуклостью главныхъ ея положеній. Авторъ здѣсь имѣетъ дѣло съ важнѣйшими вопросами морали и религіи, и его послѣднія „критическія замѣчанія“ достаточно показываютъ, что онъ легко можетъ ориентироваться во всемъ объемѣ моральной и религіозной проблемъ. Эти „критическія замѣчанія“ подъ скромнымъ видомъ скрываютъ усиленную работу ума и литературный тактъ. Авторъ сумѣлъ вполне воздержаться отъ примѣненія къ избранному мыслителю чуждыхъ ему точекъ зрѣнія, заимствованныхъ и установившихся, и принятыхъ воззрѣній, онъ остается въ предѣлахъ собственной мысли Гюйо, испытывая ее со стороны послѣдовательности, основательности, прочности выводовъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ, изящно сжатыхъ, ясно выраженныхъ, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда шаблонныхъ приемовъ конфессиональнаго разноса или филистерскаго бравирования. Оцѣнка Гюйо справедливая.

Въ послѣднемъ итогѣ сочиненіе г. Знаменскаго представляетъ совершенно законченную и со стороны содержанія и со стороны изложенія монографію о Гюйо и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о его литературно-философской зрѣлости, объ основательной подготовкѣ къ самостоятельной дѣятельности въ этой области“.

15) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Иванова Харитона* на тему: „Монастыри какъ мѣсто заключенія“:

„Данный вопросъ слабо разработанъ въ нашей литературѣ и еслибы автору удалось собрать по изданнымъ источникамъ всѣ свидѣтельства о фактахъ заключенія въ монастыряхъ съ древнѣйшаго времени, еслибы онъ воспользовался всѣми существующими статьями на свою тему, этого было бы достаточно, чтобы признать его работу вполне хорошей. Къ сожалѣнію, ни того, ни другого нельзя сказать о трудѣ г. Иванова. Собирая напр. данныя древняго времени по Исторіи Макарія, авторъ не всегда идетъ дальше, къ первоисточникамъ, хотя въ иныхъ случаяхъ это было бы важно въ интересахъ дѣла. Въ изученіи литературы по вопросу есть пропуски. Съ внѣшней стороны сочиненіе не вездѣ отдѣлано.

Однако при указанныхъ пробѣлахъ небольшой очеркъ г. Иванова представляетъ яркую картину монастырскихъ тю-

ремъ и царившихъ въ нихъ порядковъ,—картину, въ иныхъ частяхъ своихъ написанную оригинально. Принимая это въ расчетъ, а также имѣя въ виду неразработанность вопроса и дробность матеріала, сочиненіе г. Иванова можно признать вполне удовлетворительнымъ“.

16) Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Исаева Петра* на тему: „Ученіе о собственности у отцовъ и учителей церкви (I—V вв.):“

„Сочиненіе г. Исаева распадается на вступленіе и четыре главы. Охарактеризовавъ въ вступленіи источники и задачи своей работы, авторъ въ первой главѣ излагаетъ общій взглядъ о.о. церкви на матеріальныя блага, во второй выясняетъ ихъ понятіе о собственности, въ третьей анализируетъ ихъ ученіе о нормальномъ распредѣленіи матеріальныхъ благъ и, наконецъ, въ четвертой говоритъ о средствахъ, которыми, по мысли о.о. церкви, могло быть достигнуто правильное распредѣленіе собственности между членами общества. Изъ этого краткаго изложенія содержанія кандидатской работы г. Исаева видно, что вопросъ, поставленный темой, раскрытъ имъ съ достаточной полнотой. Однако нужно сказать, что предметъ изслѣдованія былъ бы освѣщенъ авторомъ гораздо лучше, если бы наряду съ изложеніемъ ученія о.о. церкви о богатствѣ и обязанностяхъ богатыхъ онъ раскрылъ подробнѣе также ихъ взглядъ на бѣдность и проповѣдь, съ которой они обращались къ неимущимъ классамъ.

Къ числу достоинствъ сочиненія нужно отнести, во первыхъ, добросовѣстное изученіе авторомъ твореній о.о. церкви и собранный имъ путемъ этого изученія очень значительный и интересный матеріалъ, а во вторыхъ, самую обработку матеріала. Тщательно отдѣланное въ началѣ и обнаруживающее нѣкоторую спѣшность въ концѣ, сочиненіе автора не загромождено, какъ это часто бываетъ, обширными выписками изъ твореній о.о. церкви, умножить которыя для него не представляло никакого труда. Выдержки приводятся здѣсь въ такомъ количествѣ и объемѣ, которые являются безусловно необходимыми для доказательства мысли. Въ распредѣленіи матеріала авторъ устанавливаетъ точныя границы, отмѣчающія собою постепенныя измѣненія воззрѣній церкви на собственность. Желая не только описывать, но и объяснять явленія, авторъ старается указать какъ причины

происходившихъ измѣненій въ отношеніи церкви къ собственности, такъ и источники, изъ которыхъ возникла та или иная патристическая идея. Съ этою послѣднею цѣлью онъ сопоставляетъ ученіе о.о. церкви съ понятіями о собственности, лежащими въ основѣ римскаго права и господствовавшими въ различныхъ философскихъ школахъ древняго міра. Эта по существу своему совершенно правильная постановка изслѣдованія требовала отъ автора очень широкихъ познаній какъ въ исторіи греко-римской культуры, такъ и въ исторіи церковныхъ идей и патристической литературы. Конечно, такихъ познаній авторъ не могъ приобрѣсти за одинъ годъ даже очень усерднаго труда. Естественнымъ послѣдствіемъ этого явились нѣкоторые недостатки сочиненія и ошибочныя сужденія. Такъ, авторъ упускаетъ изъ вида значеніе борьбы церкви съ гностицизмомъ въ развитіи ученія о Богѣ, какъ единственномъ собственникѣ всѣхъ матеріальныхъ благъ;— не совсѣмъ правильно объясняетъ происхожденіе ученія объ искупительномъ значеніи милостыни; выдвинувъ вопросъ о терминологіи о.о. церкви, относящейся къ ихъ ученію о собственности, отвѣчаетъ на него слишкомъ поспѣшно, мало обоснованно и безъ строгого методическаго изслѣдованія.

Но не смотря на эти недостатки сочиненіе автора можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ и даетъ ему безспорное право на полученіе степени кандидата богословія“.

17) Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Ключарева Ивана* на тему: „Религія древнегерманцевъ“:

„Г. Ключаревъ далъ монографію (XVIII+308) о языческихъ вѣрованіяхъ германцевъ. Матеріаль для сужденія объ этихъ вѣрованіяхъ немногочислененъ и не всегда ясенъ. Въ дѣлѣ использованія этого матеріала авторъ въ общемъ слѣдовалъ хорошему руководителю, и его сочиненіе даетъ довольно отчетливую и понятную картину религіозно-миѳологическихъ представленій германцевъ.

Г. Ключаревъ главнымъ образомъ обслѣдовалъ религію германцевъ, какъ фактъ, и съ фактической стороны о его работѣ можно сдѣлать немного замѣчаній. Можно указать, что для характеристики Локи, для сужденій о Бальдерѣ имѣется болѣе матеріала, чѣмъ какимъ онъ пользовался.

Напрасно онъ думаетъ, что пятница у германцевъ была посвящена Фрейру (стр. 83). Пятница была посвящена Фреѣ. Freitag-Vendredi=день Венеры. Относительно норнъ, кабольдовъ должно замѣтить автору, что эти термины употребляются въ германской мифологіи въ различныхъ значеніяхъ, а онъ пытается истолковать ихъ въ одномъ.

Но будучи въ общемъ очень хорошей работой, какъ описаніе факта, сочиненіе г. Ключарева стоитъ далеко не на той же высотѣ въ вопросѣ о происхожденіи этого факта—вопросѣ историческомъ—и въ вопросѣ о смыслѣ этого факта—вопросѣ философскомъ.

Вопросъ о происхожденіи германцевъ и отношеній ихъ вѣрованій къ общеарійскимъ авторъ, не приводя никакихъ основаній, рѣшаетъ традиціонно, даже болѣе, чѣмъ традиціонно, выводя европейцевъ не только изъ Азіи, но изъ Индіи. Автору слѣдовало ознакомиться съ вопросомъ о прародинѣ арійцевъ хотя бы по книгѣ Шрадера. Затѣмъ онъ безъ всякой аргументаціи тѣ или иные элементы германскихъ вѣрованій ставитъ въ связь съ представленіями другихъ арійцевъ по мнѣнію рецензента ничего общаго не имѣющими. Такъ Воданъ, Торъ и Фрея несомнѣнно не имѣютъ ничего общаго съ индійской троицей, съ которой сближаетъ ихъ авторъ (35 стр.). Совершенно неосновательно также авторъ сближаетъ Рагнарѣкъ съ Авестой (250 стр.). Можно догадываться, что авторъ имѣетъ здѣсь въ виду эсхатологическія представленія Бундегеша, похожія на апокалипсическія, но на рагнарѣкъ совершенно не похожія. Произвольно авторъ сближаетъ германскія сказанія съ повѣствованіями Библіи. Напрасно онъ ищетъ сходства у германскаго преданія о потопѣ съ рассказомъ кн. Бытія. Германское сказаніе похоже нѣсколько на египетское, но нисколько не похоже на библейское или вавилонское.

Немало у автора отдѣльныхъ положеній вызывающихъ сомнѣнія и порою прямо ошибочныхъ. Такъ подъ белемнитами онъ повидимому разумѣетъ камни (55—56 стр.), но это—раковины. Подъ рунами онъ готовъ видѣть нѣчто въ родѣ китайскихъ знаковъ (108 стр.), но это—только буквы.

Философіи религіи авторъ отводитъ мало мѣста. Порою онъ идетъ за обычными учебниками Основного Богословія, разсматривая политеизмъ, какъ раздробленіе единой идеи

Божества, германскія сказанія, какъ отголосокъ библейскихъ главнымъ образомъ онъ руководится натуралистической гипотезой истолкованія религіозныхъ воззрѣній германцевъ и притомъ узко-натуралистической (пытающейся объяснять представленія о богахъ изъ персонификаціи грозы, вѣтра и облаковъ). Но вообще онъ больше излагаетъ, чѣмъ объясняетъ, и хорошо дѣлаетъ: гипотезы о религіозныхъ вѣрованіяхъ нужно составлять послѣ сравнительнаго изученія различныхъ религій, а не послѣ изученія лишь одной религіи.

Пріятно подкупаетъ въ сочиненіи, что у автора виденъ явный и большой интересъ къ изслѣдуемому вопросу. Было бы желательно, чтобы онъ обработалъ свой трудъ для печати.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне удовлетворительно“.

18) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Курбатова Петра* на тему: „Церковно-обрядовая реформа п. Никона. Ея основныя принципы и связь съ умственными направленіями половины XVII вѣка“:

„Авторъ разсматриваемаго сочиненія поставилъ своею задачей—,показать, какъ и при какихъ общественныхъ теченіяхъ происходила церковная реформа Никона, каковы были ея свѣтлыя и темныя стороны и какое мѣсто она занимаетъ въ томъ преобразовательномъ движеніи Московскаго государства, которое закончилось реформой Петра Великаго“ (см. введеніе къ соч., стр. XV). Отвѣтомъ на поставленные вопросы и являются четыре главы изслѣдованія, изъ которыхъ въ первой (стр. 1—65) подведены „культурные итоги стараго Московскаго царства“, во второй (стр. 66 — 122) очерчено „западное вліяніе“ на Руси въ XV—XVII в.в. съ его культурными послѣдствіями, третья (стр. 123 — 220) излагаетъ основныя начала, содержаніе и ходъ самой „церковной реформы“ п. Никона, четвертая (стр. 221—257) выясняетъ „значеніе“ этой реформы въ исторіи русскаго религіозно-національнаго самосознанія и ея идейную связь съ всестороннимъ преобразованіемъ русской жизни въ начальные годы XVIII столѣтія.

Не трудно видѣть, что планъ работы, намѣченный авторомъ, вполне отвѣчаетъ ея вышеуказанной задачѣ и не даетъ основанія для возраженій. Что же касается самаго изслѣдованія, то въ немъ, наряду съ крупными достоян-

ствами, можно отмѣтить и нѣкоторые недостатки. Къ числу первыхъ нужно отнести опредѣленность и выдержанность основной точки зрѣнія на изучаемые факты и широкое знакомство съ относящейся къ темѣ литературой; къ числу вторыхъ — излишнюю по мѣстамъ зависимость автора отъ своихъ научныхъ пособій. Можно указать нѣсколько случаевъ, когда онъ безъ особенной надобности вдается въ подробное обслѣдование того или другого частнаго вопроса, воспроизводя достаточно общеизвѣстную аргументацію въ пользу принимаемаго мнѣнія и не привнося къ ней ничего съ своей стороны; въ подобныхъ случаяхъ, конечно, было бы гораздо проще ограничиться простою ссылкой на существующія изслѣдованія. Еще съ большимъ правомъ можно упрекнуть автора за цитаты изъ вторыхъ рукъ, отсылающія читателя къ архивнымъ документамъ (стр. 171 и др.), безъ сомнѣнія, извѣстнымъ г. Курбатову лишь изъ печатныхъ работъ. Вліяніе научныхъ пособій даетъ себя чувствовать иногда и въ самомъ изложеніи—стилистическою близостью нѣкоторыхъ страницъ разсматриваемаго сочиненія къ своимъ печатнымъ образцамъ. Есть, наконецъ, нѣсколько фактическихъ неточностей, и въ числѣ ихъ одна—довольно неожиданная (отождествленіе соборовъ 1666 и 1667 г.г.,—стр. 208 и далѣе; см. еще стр. 145 и 165). При всемъ томъ общее впечатлѣніе отъ сочиненія убѣдительно говоритъ въ пользу автора, какъ человѣка съ зрѣлою богословскою мыслью и съ серьезною подготовкой къ ученымъ работамъ въ области историческихъ наукъ. Считаю его вполне достойнымъ искомой ученой степени“.

19) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Ляковского Петра* на тему: „Ученіе о церкви въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей“:

„Содержаніе названнаго произведенія нѣтъ надобности пересказывать въ настоящемъ отзывѣ въ виду подробнаго и отчетливаго оглавленія, приложеннаго авторомъ въ концѣ его работы. Мы можемъ, поэтому, ограничиться указаніемъ здѣсь лишь качествъ этой послѣдней, дающихъ основаніе для сужденія о ней, какъ кандидатской диссертациі.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи довольно замѣтно выступаетъ на видъ одинъ формальный недостатокъ: неравномѣрность частей, на которыя распадается изслѣдованіе. Первая

часть его (стр. 25—224), состоящая из трех глав, втрое больше второй, раздѣленной на четыре главы и посвященной разработкѣ центрального вопроса темы. Объясненіе этой неравномѣрности тѣмъ, что положительное ученіе о церкви не нашло себѣ подробнаго раскрытія въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей, не снимаетъ, какъ намъ кажется, съ г. Ляскова упрека въ формальномъ несовершенствѣ его работы. Возможенъ былъ иной, болѣе отвѣчающій характеру разрабатываемаго матеріала, планъ, при которомъ тѣ же самыя данныя было бы не трудно распредѣлить безъ замѣтнаго нарушенія требованій архитектурной стройности.

Не считая умѣстнымъ подавать теперь запоздалые совѣты, спѣшимъ заявить, что, во 1-хъ, указанный недостатокъ не такъ ужъ важенъ самъ по себѣ и, во 2-хъ, онъ едва-ли не единственный въ разсматриваемомъ сочиненіи. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ это—превосходная работа, о которой можно и должно отозваться съ самой рѣшительной похвалой. Внимательное изученіе основныхъ первоисточниковъ и литературы, опредѣленность научныхъ взглядовъ, зрѣлость сужденій, ясность мысли и почти безукоризненная выработанность стиля даютъ право привѣтствовать въ лицѣ г. Ляскова человѣка, вполне подготовленнаго къ серьезной ученой работѣ, по крайней мѣрѣ—въ области избранной имъ специальности.“

20) Экстраординарнаго профессора Александра Шостына о сочиненіи студента *Маркова Дмитрія* на тему: „Воспитаніе цѣломудрія“:

„Г. Марковъ самъ намѣтилъ себѣ тему для курсовой работы и самъ же заранее опредѣлилъ постановку и характеръ своего изслѣдованія. Когда ему предложено было разсмотрѣть и освѣтить избранный предметъ *исторически* и при этомъ обратить особенное вниманіе на мысли древнихъ отцовъ—подвижниковъ относительно утвержденія людей въ добродѣтели цѣломудрія,—онъ отклонилъ мое предложеніе, заявивъ, что намѣренъ разсматривать предметъ съ *научной* (!) точки зрѣнія...“

Въ результатъ получилось слѣдующее: изъ довольно большаго сочиненія (702 стран.) почти $\frac{2}{3}$ не имѣютъ прямого отношенія къ *педагогической* темѣ. Не только десятки, но и сотни страницъ отведены разсужденіямъ естественно-меди-

цинскимъ, социальнo-санитарнымъ, статистикѣ и другимъ подобнымъ матеріямъ. Примѣры этого можно видѣть на стр. 231—239, 251—257, 274—285, 430—445 и мн. др. Встрѣчаются нерѣдко длинныя выписки изъ „Крейцеровой сонаты“, изъ Зудермана, изъ разныхъ французскихъ писателей, только не изъ авторитетнѣйшихъ педагоговъ и психологовъ.

Болѣе прямое и близкое отношеніе къ темѣ имѣютъ послѣднія двѣ главы сочиненія, носящія надписаніе: „религія, какъ основа для воспитанія нравственной чистоты и цѣломудрія“ (448—524) и „сексуальная педагогика“ (525—702 стр.). Эти главы составлены довольно полно и отчетливо, хотя и здѣсь было бы лучше, если бы авторъ—при совершенной къ тому возможности—пользовался прямо первоисточниками и заимствовалъ напр. различныя библейскія мѣста непосредственно изъ Библии, а не изъ Каррьера (стр. 479—486).

Въ неоспориваемую похвалу автору должно быть поставлено его трудолюбіе, а равно и то, что онъ всюду выступаетъ убѣжденнымъ, строгимъ и послѣдовательнымъ моралистомъ.

Для степени кандидата богословія работа его можетъ быть признана достаточною“.

21) Исправляющаго должность доцента Анатолія Орлова о сочиненіи студента *Мянда Курта* на тему: „Судьба протестантства въ прибалтійскомъ краѣ“:

„Довольно обширное (XXXIX+XV+536) сочиненіе г. Мянда посвящено историческому обзору судеб протестантства въ прибалтійскомъ краѣ, начиная отъ временъ реформации и почти до конца 19 в. Раздѣливъ исторію прибалтійскаго протестантства на 4 періода: 1) періодъ реформации (1521—1561 г.), 2) періодъ католической антиреформации (1561—1625 г.), 3) періодъ господствующаго положенія протестантской церкви (1625—1836 г.) и 4) періодъ борьбы съ правоставіемъ (1840 и до настоящаго времени), авторъ разсматриваетъ историческія судьбы протестантства со всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ,—со стороны внѣшнихъ успѣховъ протестантской миссіи, въ связи съ тѣмъ или инымъ политическимъ положеніемъ прибалтійскаго края,—со стороны внутренней организаціи протестантской общины,—со стороны развитія вѣроученія и богословской науки, и, наконецъ, со

стороны религіозно нравственнаго состоянія протестантскаго общества за тотъ или другой періодъ. Исключительная обширность и сложность избранной авторомъ темы представляла для него и свои удобства и свои трудности. Освобождая автора отъ черной работы надъ сырымъ историческимъ матеріаломъ и отъ детальнаго изученія входящихъ въ ея объемъ вопросовъ, она представляла для него опасность затеряться въ массѣ подлежащихъ обзору историческихъ фактовъ, и, сосредоточивъ вниманіе на подробностяхъ, опустить изъ виду болѣе важное и существенное. Послѣдняго рода опасность была тѣмъ чувствительнѣе, что ни на русскомъ, ни на нѣмецкомъ языкахъ, при наличности громаднаго множества отдѣльныхъ монографій, журнальныхъ статей, брошюръ, памфлетовъ, затрагивающихъ тѣ или другіе вопросы по исторіи прибалтійскаго христіанства, нѣтъ изслѣдованія или даже учебнаго курса, которые бы всесторонне изображали церковно-политическую исторію прибалтійскаго края. Авторъ справился со своею задачею съ успѣхомъ. Не претендуя на оригинальность и самостоятельность выводовъ, г. Мяндръ въ ясномъ и отчетливомъ изложеніи даетъ характеристику всѣхъ важнѣйшихъ моментовъ исторіи прибалтійскаго протестантства, всегда скрѣпляя свои сужденія точными ссылками или на историческіе документы (первоисточники), или на авторитетныя изслѣдованія. Обнаруженное авторомъ широкое знакомство съ разнохарактерной литературой по церковно-балтійскимъ вопросамъ, — которою г. Мяндръ имѣлъ возможность пользоваться въ библиотекѣ Юрьевскаго Университета, дѣлаетъ честь его научному трудолюбію. Конечно, если примѣнять къ работѣ г. Мяндръ строгія научныя требованія, то ее можно упрекнуть въ досадной порою конспективности, въ отсутствіи надлежащей полноты и глубины анализа затрагиваемыхъ вопросовъ, — но это были бы требованія слишкомъ идеальныя, не примѣнимыя къ работѣ автора — студента, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Немногія неточности и шероховатости въ переводѣ (194, 338 — 9 и др.), стилистическіе недочеты (180, 211, 219, 303, 394 и др.) также не препятствуютъ признать работу г. Мяндръ весьма хорошей кандидатской диссертацией, а ея автора — вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

22) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Недумова Виктора* на тему: „Догматическое изслѣдованіе православнаго ученія о свойствахъ Церкви“:

„Идея сочиненія не нова. Въ немъ раскрыта мысль, что основныя свойства Церкви: единство, святость, соборность и апостольство,—вытекають изъ образа существованія и сущности Церкви, какъ тѣла Христова. Сочиненіе, кромѣ введенія и заключенія, распадается на пять главъ. Въ первой главѣ (27—63 стр.) разъяснена идея Церкви, какъ тѣла Христова, и опредѣлена связь съ этой идеей ученія о свойствахъ Церкви. Во второй главѣ (64—162) изслѣдовано ученіе о внутреннемъ и внѣшнемъ единствѣ Церкви, какъ тѣла Христова. Третья глава (163—240) раскрываетъ ученіе о святости Церкви, какъ тѣла Христова. Четвертая глава (241—333) посвящена изъясненію соборности Церкви, какъ тѣла Христова. Въ пятой главѣ (334—388 стр.) указано значеніе апостольства или іерархическаго служенія въ Церкви, какъ тѣлѣ Христовомъ.

Сочиненіе г. Недумова есть чисто догматическое. Не вступая въ полемику съ неправославными ученіями и неправильными мнѣніями о существѣ и свойствахъ Церкви, онъ ограничивается установкой и разъясеніемъ православнаго ученія о Церкви и ея свойствахъ. Онъ кратко разъясняетъ относящіяся къ темъ мѣста Писанія и высказываетъ свои соображенія, подкрѣпляя ихъ словами святыхъ отцевъ, а также авторитетныхъ богослововъ. Изъ отцевъ и учителей Церкви онъ всего болѣе пользуется твореніями Игнатія Богоносца, Климента Александрійскаго, Кипріана, Златоуста, Кирилла Іерусалимскаго и другихъ. Всего больше заимствованій изъ сочиненій Кипріана. Пособіями ему служили сочиненія русскихъ и нѣсколькихъ нѣмецкихъ богослововъ. Пособія облегчали ему пониманіе ученія Писанія о Церкви и давали указанія на ученіе о ней святыхъ отцевъ и писателей церковныхъ. Но постановка вопросовъ и раскрытіе ихъ, группировка матеріала, строй сочиненія, кстати сказать, соразмѣрнаго въ частяхъ, принадлежать самодѣятельности автора его, который вполнѣ достоинъ степени кандидата.“

23) Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая За-

озерскаго о сочиненіи студента *Петрова Василія* на тему: „Судьбы православія въ Литовскомъ княжествѣ со времени династическаго соединенія его съ Польшей до церковной уни“:

„Названное сочиненіе авторъ самъ характеризуетъ, какъ церковно-историческій очеркъ. Характеристика совершенно вѣрная: его сочиненіе въ дѣйствительности представляетъ стройное, послѣдовательное и литературно обработанное изложеніе постепеннаго упадка православія въ Литовско-русскомъ княжествѣ подъ вліяніемъ польско-католической политики Ягеллоновъ. Авторъ умѣло воспользовался существующею небольшою, но серьезною литературою по данному предмету (Кояловичъ, Батюшковъ, Малышевскій, Чистовичъ, Любавичъ, Кондратовичъ и др.).

Очеркъ автора раздѣляется на 10 главъ. Двѣ первыхъ главы имѣютъ характеръ вводныхъ къ остальнымъ: въ нихъ дается общая характеристика церковно-государственной политики Ягелло и его преемниковъ (1 гл.) и религіозно-общественнаго уклада Литовско-русскаго княжества, сложившагося ко времени этого государя—измѣнившаго православію въ пользу католицизма (гл. 2). Въ послѣдующихъ главахъ идетъ въ хронологической послѣдовательности повѣствованіе о дѣятельности Ягелло, Витовта, Свидригайлы, Казимира, Сигизмунда Кейстутевича, Казимира IV и до Сигизмунда III-го.

Точно опредѣленная, скромная задача, поставленная авторомъ для своего сочиненія, выполнена удовлетворительно. Сочиненіе читается легко и съ большимъ интересомъ. Признаю автора достойнымъ кандидатской степени“.

24) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Пономарева Сергѣя* на тему: „Происхожденіе и развитіе противогосударственнаго элемента въ расколѣ старообрядства во второй половинѣ XVII и первой четверти XVIII в.в.“:

„Названное произведеніе представляетъ интересную и удачную попытку выяснить генезисъ противогосударственнаго элемента въ русскомъ старообрядческомъ расколѣ, возникшемъ по поводу церковно-обрядовыхъ преобразованій патріарха Никона. Извѣстно, что почти одновременно съ осужденіемъ церковныхъ „непокорниковъ“ на Большомъ Москов-

скомъ соборѣ религиозный протестъ ихъ осложняется оппозиціей гражданскому правительству, выразившейся не только въ пассивномъ уклоненіи отъ исполненія его требованій, но и въ открытыхъ „бунтахъ“ XVII и первой четверти XVIII в. в., при чемъ фактическія отношенія старообрядцевъ къ государственной власти идутъ рука объ руку съ постепенно выясняющимися положеніями ихъ доктрины. Уяснить связь между этими осложняющими чертами старообрядческаго раскола указанной эпохи и его первоначальной религиозной основой уже не разъ пытались наши ученые изслѣдователи. Въ печатной литературѣ кромѣ общихъ работъ, затрогивающихъ данный вопросъ безъ притязаній на исчерпывающее его разрѣшеніе, имѣется нѣсколько специальныхъ монографій объ отдѣльныхъ моментахъ и событіяхъ ранней исторіи старообрядчества („соловецкое сидѣнье“, стрѣльбцкій бунтъ, возстаніе на Дону и др.), когда раскольничій противоправный протестъ объединялся съ протестомъ противогосударственнымъ. Задача г. Пономарева состояла въ томъ, чтобы, опираясь на труды своихъ предшественниковъ и критически провѣривъ ихъ выводы, установить идейную послѣдовательность и связь между фактами такого значенія, имѣвшими мѣсто на протяженіи первыхъ трехъ четвертей исторіи старообрядческаго раскола.

Эту задачу авторъ исполнилъ болѣе чѣмъ удовлетворительно. Внимательно ознакомившись, хотя и не безъ пробѣловъ, съ источниками и литературой вопроса, онъ въ сжатомъ, но очень содержательномъ очеркѣ изобразилъ постепенное развитіе противогосударственныхъ тенденцій въ старообрядчествѣ за указанный періодъ, вполне убѣдительно доказавъ при этомъ зависимость ихъ отъ чисто-религиозныхъ интересовъ ревнителей „древняго благочестія“. Не загромождая изложенія обиліемъ мелкихъ деталей, взятыхъ изъ вторыхъ рукъ, онъ не опустилъ, однако, изъ вида ничего существеннаго и, скупой на показную „эрудицію“, постоянно даетъ чувствовать, что онъ много успѣлъ прочитать для своей темы и много подумалъ надъ прочитаннымъ. Въ сочиненіи, содержаніе и планъ котораго указаны самимъ составителемъ въ подробнѣйшемъ оглавленіи, приложенномъ въ началѣ, не замѣчается такихъ недостатковъ, которые замѣтно понижали бы достоинство этой серьезной работы, да-

ющей право признать г. Пономарева вполне достойнымъ искомой ученой степени“.

25) Экстраординарнаго профессора Ивана Андреева о сочиненіи студента *Попъ-Харалампіева Георгія* на тему: „Религіозный, хозяйственный и др. факторы исторіи по Фюстель де Куланжу“:

„Сочиненіе состоитъ изъ четырехъ главъ и заключенія. Глава первая даетъ біографію Фюстель-де Куланжа (3—46) и общую характеристику его сочиненій, глава вторая говоритъ о предметѣ и задачѣ по Фюстель-де Куланжу (46—63), глава третья излагаетъ философію исторіи по Фюстель-де Куланжу (сущность историческаго процесса, религіозный факторъ, хозяйственный факторъ) (стр. 63—362); глава четвертая излагаетъ взгляды Фюстель-де Куланжа на историческій методъ (363—468). Въ заключеніи (стр. 468—474) авторъ опредѣляетъ мѣсто, занимаемое Фюстель-де Куланжемъ въ спорѣ между германистами и романистами.

Работа имѣетъ характеръ систематическій, а не критическій. Авторъ не успѣлъ ее закончить. Но и то, что онъ сдѣлалъ, представляетъ значительный интересъ и цѣнность. По моему мнѣнію, критическая часть едва-ли значительно возвысила бы достоинство сочиненія. Фюстель-де Куланжъ—великій писатель 19-го вѣка, недостаточно оцѣненный еще и доселѣ. Вступать въ борьбу съ нимъ нужно съ большою осторожностью. Я самъ изучалъ его съ большимъ усердіемъ и увлеченіемъ, иногда противился его обобщеніямъ и выводамъ, но съ теченіемъ времени послѣ болѣе тщательнаго знакомства съ отдѣльными вопросами почти всегда видѣлъ себя вынужденнымъ уступить и отказаться отъ возраженій.

Г-нъ Харалампіевъ старательно и съ любовью изучилъ огромное наслѣдство Фюстель де Куланжа, изъ котораго только часть переведена русскій языкъ, и извлекъ изъ него все, что нужно было для лучшаго и болѣе полнаго освѣщенія вопросовъ его темы.

Нѣкоторыя главы сочиненія могли бы быть напечатаны и представлять интересъ для широкихъ круговъ читающей публики. Изложеніе вездѣ дѣловое и серьезное.

Авторъ полюбилъ Фюстель де Куланжа, проникся его взглядами и общается изъ себя прекраснаго преподавателя исторіи.

Степени кандидата богословія онъ вполне достоинъ“.

26) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Процорова Николая* на тему: „Происхожденіе старообрядческаго раскола и его первоначальная исторія по воззрѣніямъ профессора Н. И. Субботина“:

„Небольшое по объему (236 стр.) и не отличающееся особенною оригинальностью содержанія сочиненія г. Процорова представляетъ, гѣмъ не менѣе, работу интересную по замыслу и достаточно серьезную по исполненію. Авторъ поставилъ своею задачею—а) свести въ одно цѣлое всѣ свѣдѣнія и замѣчанія относительно происхожденія русскаго старообрядческаго раскола и его первоначальной исторіи, содержащіяся въ трудахъ покойнаго профессора нашей академіи, Н. И. Субботина, пользовавшагося въ нѣкоторыхъ кругахъ репутаціей „высшаго спеціалиста“ по вопросамъ расколовѣдѣнія, и б) дать научно-критическую оцѣнку мнѣній и взглядовъ названнаго историка-полемиста, пользуясь результатами другихъ, болѣе объективныхъ изслѣдованій. То и другое выполнено имъ, въ общемъ, удовлетворительно: какъ относящіяся къ темѣ произведенія проф. Субботина, такъ и необходимая дополнительная литература источниковъ и пособій изучены внимательно и использованы, сколько необходимо: фактическихъ ошибокъ нѣтъ (за исключеніемъ мелкой неточности на стр. 132); планировка естественная, хотя и не достаточно отчетливая; взглядъ на изучаемые факты ясный и выдержанный. Къ недостаткамъ сочиненія, кромѣ общей схематичности въ изложеніи и оцѣнкѣ изучаемыхъ взглядовъ, нужно отнести излишнюю склонность автора къ буквальнымъ выдержкамъ изъ своихъ пособій и не всегда вѣрную ихъ цитацію (напр., на стр. 205). Но недостатки эти не настолько существенны, чтобы можно было сомнѣваться въ заслуженномъ правѣ г. Процорова на полученіе искомой имъ степени“.

27) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Пятикрестовскаго Ивана* на тему: „Фотій Спасскій, архимандритъ Юрьевскій, и его время“:

„Объ архимандритѣ Фотіи существуетъ значительная литература; немало издано и матеріаловъ, связанныхъ съ этою интересною личностью (особенно автобіографія Фотія въ Русской Старинѣ). Г. Пятикрестовскій, видно, внимательно изучилъ источники, прочелъ литературу и далъ небольшой,

сжатый, ясно и стройно написанный очеркъ, впрочемъ не дающій чего либо-новаго. Личность Фотія спорная для изслѣдователей. Нашъ авторъ всецѣло присоединяется къ мнѣнію проф. Чижа, признающаго Юрьевского архимандрита типомъ фанатика. Фотія или поносятъ или восхваляютъ. Г. Пятикрестовскій старается быть объективнымъ и дѣйствительно даетъ безпристрастный разсказъ о главнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни своего героя.

Въ общемъ сочиненіе надо признать вполне удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

28) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Равицкаго Александра* на тему: „Земледѣліе у древнихъ евреевъ“:

„Сочиненіе г. Равицкаго представляется въ такомъ видѣ: въ введеніи авторъ трактуетъ о значеніи изученія древне-еврейскаго быта и въ частности—земледѣлія у древнихъ евреевъ, затѣмъ онъ обозрѣваетъ первоисточники для ознакомленія съ этимъ бытомъ—Библию и мишну. Самый обзоръ древне-еврейскаго земледѣлія авторъ начинаетъ съ выясненія, какъ зародилось земледѣліе у евреевъ, и какъ постепенно оно становилось существеннымъ занятіемъ населенія, потомъ онъ анализируетъ Моисеевы законы аграрнаго типа; въ главной части своей описательной работы авторъ изучаетъ естественныя условія Палестины, благопріятствовавшія земледѣлію, и самый способъ обработки полей, иллюстрируя библейскія данныя цитатами изъ мишны. Въ заключительномъ отдѣлѣ сочиненія г. Равицкій сопоставляетъ теорію Моисеева законодательства съ осуществленіемъ аграрныхъ законовъ въ исторической жизни еврейскаго народа. Главнымъ свойствомъ сочиненія г. Равицкаго является литературность изложенія, возвышающаяся по мѣстамъ до степени художественнаго творчества, а потому было бы желательнымъ появленіе въ печати работы, изложенной привлекательно и для широкаго круга читателей, несмотря на специальность предмета изслѣдованія. Степени кандидата богословія г. Равицкій вполне заслуживаетъ“.

29) Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Раича Любомира* на тему: „Вѣра въ Провидѣніе и ея значеніе для разумно-нравственной дѣятельности“:

„Сочиненіе г. Раича (VI+318) главнымъ образомъ посвя-

щено обсужденію практическаго значенія вѣры въ Провидѣніе. Правда, первая половина его работы трактуеть о вѣрѣ въ Провидѣніе, какъ психологическомъ и историческомъ фактѣ, но и здѣсь авторъ никогда не упускаеть изъ виду практической стороны вопроса. Сочиненіе—хотя авторъ иностранецъ—написано правильнымъ литературнымъ языкомъ.

Изъ сочиненія видно, что вопросъ затрогиваетъ автора глубоко, но въ рѣшеніи его онъ не останавливается на распутии и въ сомнѣніяхъ, а нашель успокоеніе въ православной вѣрѣ въ Промысль, каковую вѣру онъ и хочеть внушить другимъ. Авторъ не столько останавливается на выясненіи различныхъ сторонъ въ вопросѣ о Провидѣніи и различныхъ видовъ пониманія Провидѣнія, сколько старается убѣдить въ важнѣйшемъ, что нужно вѣрить въ Провидѣніе, что эта вѣра нужна для дѣятельности научной—хотя во имя науки и отрицается главнымъ образомъ Провидѣніе—и для всякой разумной дѣятельности.

Сочиненіе производитъ пріятное впечатлѣніе, какъ по своему изложенію, такъ и по направленію и по своему обоснованію главнаго тезиса. Въ упрекъ автору должно поставить его отношеніе къ противникамъ своихъ взглядовъ: 1) онъ относится къ нимъ слишкомъ презрительно и 2) онъ излагаетъ ихъ взгляды далеко не всегда правильно. Пока живъ врагъ, о немъ нельзя забывать и его нельзя презирать; иначе онъ нападетъ оттуда и тогда, когда не ожидаешь. Не должно и извращать возрѣній противника, ибо этимъ способомъ всегда оттолкнешь отъ себя тѣхъ, которые съ нимъ дѣйствительно знакомы. Такъ не принесеть пользы истинѣ то, что г. Райчъ смѣшиваетъ мораль деистическую съ атеистическою и защитника послѣдней готовъ видѣть въ Кантѣ (ср. 302 и 303 стр.). Съ типами морали дѣйствительно атеистической (наприм. Гюйо) онъ повидимому незнакомъ. Очень легко и просто авторъ раздѣливается съ эволюціонизмомъ, на почвѣ котораго могутъ построиться разнообразныя религіозныя и этическія доктрины. Напрасно авторъ представителей реформации Лютера, Меланхтона и др. считаетъ детерминистами. Гегелю авторъ приписываетъ теорію, по которой религія будетъ замѣнена наукой. Такого взгляда Гегель не держался. Всю исторію философскихъ ученій о Промыслѣ авторъ изложилъ менѣе, чѣмъ на 9 страницахъ довольно

разгонистаго письма. Понятно, изложеніе получилось черезъ чуръ *общее*.

Къ языческимъ представленіямъ о Провидѣніи г. Раичъ отнесся также свысока, какъ и къ своимъ философскимъ противникамъ. Онъ рѣшительно устанавливаетъ тезисъ: языческія представленія несостоятельны. Едвали, когда г. Раичъ напечатаетъ свое сочиненіе, въ ряду его читателей будутъ такіе, которыхъ нужно убѣждать въ неправильности вавилонскихъ и древне-греческихъ представленій о Промыслѣ, но нужно будетъ дать этимъ читателямъ правильныя представленія о вѣрованіяхъ вавилонянъ, индусовъ и персовъ и въ этой области г. Раичу нужно внести не мало исправленій. Такъ, богъ Солнца у вавилонянъ не Вааль, какъ онъ пишетъ (127 стр.), а Шамась. Браманизмъ не смѣнился буддизмомъ (136 стр.) а существуетъ совмѣстно съ буддизмомъ доселѣ. Заруанъ Акуруанъ (142 стр.) въ маздеизмѣ не почитался, какъ дѣйствительно верховное божество.

При сужденіи объ этихъ недостаткахъ нужно имѣть въ виду, что г. Раичъ работалъ на широкую тему, въ такихъ работахъ lapsus'ы не устранимы, но добросовѣстное отношеніе къ такимъ работамъ—а г. Раичъ отнесся къ своей работѣ добросовѣстно—дѣлаютъ ихъ очень полезными прежде всего для саморазвитія автора, и работа г. Раича, думаю, принесетъ много пользы его богословскому образованію.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполнѣ удовлетворительно“.

30) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Ремезова Владимира* на тему: „Догматическое ученіе Святаго Василія Великаго“:

„Введеніе въ сочиненіе содержитъ жизнеописаніе Василія Великаго и библиографическій обзоръ его сочиненій (1—72 стр.). Изложеніе догматическаго ученія Василія Великаго раздѣлено на двѣ части: а) ученіе о Богѣ въ Себѣ, Самомъ, б) ученіе о Богѣ въ Его отношеніи къ міру и человѣку. Въ свою очередь первая часть (75—284 стр.) раздѣлена на четыре отдѣла: 1) ученіе Василія Великаго о бытіи Божіемъ, 2) ученіе его о богопознаніи, 3) ученіе о свойствахъ и именахъ Божіихъ и 4) ученіе о существѣ Божіемъ и особенно о Святой Троицѣ. Вторая часть по замыслу тоже должна была имѣть четыре отдѣла, въ которыхъ было предположено из-

ложить учение Василия Великаго: 1) о миротвореніи, 2) о промыслѣ, 3) о спасеніи и 4) о послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка. Но этотъ замыселъ оказался не выполненнымъ: авторъ успѣлъ сдѣлать подготовительныя работы для написанія второй части, которыя выражены въ сочиненіи только въ перечнѣ на четырехъ страницахъ цифровыхъ цитатъ изъ твореній Василия Великаго. Въ заключительной главѣ сочиненія (285—306) дана характеристика Василия Великаго какъ догматиста.

Всего болѣе г. Ремезовъ остановился на изложеніи и уясненіи ученія Василия Великаго о Святой Троицѣ, посвятивши этому предмету 184 страницы, свыше половины всего сочиненія. Это такъ и должно быть. По обстоятельствамъ времени, когда Православная Церковь нацрягала свои силы для борьбы противъ поновленнаго арианства, извѣстнаго подъ именемъ аномейства или евноміанства, Василий Великій раскрылъ положительно и полемически ученіе о Святой Троицѣ въ двухъ большихъ сочиненіяхъ, не говоря уже о томъ, что и въ другихъ своихъ трудахъ онъ попутно касается иногда этого предмета. Вообще изъ догматовъ ученіе о Святой Троицѣ раскрыто Василиемъ Великимъ наиболѣе обстоятельно и обширно. Изложенію ученія Василия Великаго о Святой Троицѣ г. Ремезовъ предпосылаетъ краткій очеркъ ученія о Святой Троицѣ непосредственныхъ предшественниковъ этого Отца Церкви. Изъ сочиненій Василия Великаго онъ особенно обстоятельно изучилъ его догматико-полемическое сочиненіе противъ Евномія и его трактатъ о Святомъ Духѣ.

Изъ пособій онъ пользовался только русскими сочиненіями по древней церковной исторіи, по патрологіи и исторіи догматовъ, перечисливши ихъ въ концѣ своего труда. Источникъ свой—творенія Василия Великаго онъ изучалъ по русскому переводу, но обращался и къ подлиннику. Матеріаль, извлеченный изъ твореній Василия Великаго и изъ пособій для его изученія, переработанъ и изложенъ систематично, послѣдовательно и сжато. Степени кандидата авторъ сочиненія достоинъ“.

31) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Рудакова Ивана* на тему: „Отношеніе церковной проповѣди XVIII вѣка (послѣ Петра и кончая царствованіемъ Екатерины II) къ текущимъ политическимъ событіямъ“: